

НИКОЛАЙ ЗАДОРНОВ

ОДИН
ОДИН

Далёкий край

Освоение Дальнего Востока

Николай Задорнов

Далекий край

«ВЕЧЕ»

1949

Задорнов Н. П.

Далекий край / Н. П. Задорнов — «ВЕЧЕ», 1949 — (Освоение Дальнего Востока)

ISBN 978-5-4444-8583-5

Свой знаменитый цикл из четырех романов о капитане-первопроходце Геннадии Невельском известный сибирский писатель Николай Задорнов создавал более двадцати лет. Роман «Далекий край» состоит из двух повестей и рассказывает о нелегкой и полной опасностей жизни аборигенов Приамурья. Миротлюбивые гиляки и самары, охотники и рыболовы, вынуждены постоянно отстаивать свою свободу от посягательств со стороны жестоких и алчных соседей — маньчжуров и китайцев. А тут еще новая беда — иезуиты-миссионеры, пытающиеся навязать таежникам чуждые и непонятные законы и порядки. И наверное, не отбиться бы одним приамурцам от многочисленных врагов, да пришли им на выручку лоча — русские казаки и переселенцы...

ISBN 978-5-4444-8583-5

© Задорнов Н. П., 1949

© ВЕЧЕ, 1949

Содержание

Часть первая. Мангму	6
Глава первая. Мангму	6
Глава вторая. Незнакомая девушка	7
Глава третья. Прозрачная речка	12
Глава четвертая. Сердце соболя	14
Глава пятая. Следы	16
Глава шестая. Ссора на родовой речке	19
Глава седьмая. Лоча	22
Глава восьмая. Майма	27
Глава девятая. Железная рубашка	33
Глава десятая. Дыген	38
Глава одиннадцатая. Стойбище Буриэ	40
Глава двенадцатая. Миссионеры	43
Глава тринадцатая. Насмешливый сосед на берестянке	47
Глава четырнадцатая. Ондинцы в походе	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Николай Задорнов

Далекий край

© Задорнов Н.П., наследники, 2016

© ООО «Издательство „Вече“», 2016

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая. Мангму

Глава первая. Мангму

Мангму извечно несет широкие мутные воды к Синему Северному морю.

Мангму велик... Много рек и речек отдают свои богатства старику Му-Андури. Воды из царства Лоча прозрачные, как светлые глаза, и воды желтые, из страны косатых маньчжу, стремятся к нему же.

Мангму течет повсюду. В лесах синеют его заливные озера, обросшие тростниками и кустарниками, озера на старицах, стоячие воды в зелени плавающих лопухов и кувшинок, протоки из озер в реку, из заливов в малые озерца, тихие узкие протоки в камышах и краснотале к дальним болотам в глубь диких лесов.

Шаманы гольдов знают: где-то там, в вечнозеленом лесу, есть протока в Бунь – в мир мертвых...

Но никакой шаман не знает всех рек и речек, всех озер, рукавов и протоков Мангму. Одно лишь ясное полуночное небо, как медное зеркало, отражает его во всем величии. Млечный Путь – отражение Мангму, говорят гольды.

Бурные воды шумят по тайге, выворачивают с корнями деревья, обдирают с них кору на шиверах, громоздят завалы оголенных коряг и стволов, а в половодье поднимают их и уносят к Мангму.

Мангму – как море, разлившееся по тайге, водная страна в лесу...

Мангму богат. Калуги, огромные, как лодки, выпрыгивают ранним летом из его глубин. А когда осенью Морской Старик гонит косяки красной рыбы из синей морской воды в верховья горных речек, невода тянут столько рыбы, сколько звериных следов в тайге по первой пороше.

Народы лесов сбежали с гор и столпились на берегах Мангму.

Тайга...

О-би-би...

Тик-ти-ка...

У-до-до... У-до-до, – кричат птицы.

Тяжелые ветви висят над водой. Ясени, толстые, как башни, ильмы, осины, нежные изгибы синих черемух, высокие душистые травы, красные и желтые саранки на длинных стеблях, чуть позелененные ветви лиственниц, подмытые умирающие деревья, как печальные зеленые знамена, склоненные к прозрачным ручьям, колючая чащоба ягодников, болота, болота, марь... россыпи дикого, замшелого камня, бурелом, черные вывороченные корневища, вздыбившиеся выше молодого леса, мертвые остовы берез в зеленой бороде лишайников, рваные лохмотья бересты, гнилые желтые пни, муравейники, развороченные медведями, вечная зелень пихтача и синь елей, овитых диким виноградом со спелыми гроздьями, карликовые дубки на угорях и рожи громадных столетних дубов, сереброкорый бархат с перистой листвой, паутина, сырость, белые кости зверей в огромных папоротниках, следы тигра... Скалы, ветер, дикий, пронзительный ветер и кедр, могучие и рога, как жеребцы сохатых.

...Остроголовые леса и синь дальних хребтов, ушедших облаками в сиреневую даль...

...Ветер трясет мохнатые ветки кедров. Ветер гонит пенные волны на Мангму. Ветер мечет дымки далеких стойбищ...

Глава вторая. Незнакомая девушка

День солнечный. Удога неторопливо размахивает двулопастным веслом. Тонкая береста одноместной узенькой лодки легко держит на воде его тяжелое, сильное тело. Ленивые гребки больших рук гонят оморочку.

Жара томит.

«Быстрее поеду, а то отец, наверно, ждет!» – думает Удога. Он наклоняется к закрытому носу оморочки, который, как фартук, расстелен от его пояса. Сильный удар веслом. Оморочка идет быстрее. Еще удар. – «И мама ждет...» – Удар справа, удар слева. – «И брат ждет!»

Оморочка мчится по воде, как стрела.

Удога разгоняет ее, поворачивает голову, клонится ухом к бересте, потом вскидывает голову, кладет тонкое и длинное весло поперек лодки и, сияя от восторга, тонко поет:

Вода журчит под оморочкой,
Ханина-ранина.
Солнце жарко разгорелось,
Ханина-ранина.
Вода поет под берестянкой...

Вдруг он увидел, что на мели, напротив лесистого, высокого острова, где в одиночестве жил страшный шаман Бичинга, застряла лодка. Босая девушка стоит в воде, не может столкнуть ее.

Мель была на самой середине протоки. Вода покрывала ее, и мель была незаметна. Все жители окрестных деревень знали это место.

«Видно, из чужой деревни», – подумал Удога.

Удога схватил свое веселко. «Правда, наверно, чужая! Ах, это чужая...» Сначала шел прямо, будто мимо, потом сделал большой и красивый полукруг, да так разогнал берестянку, что она чуть не черпала воду, лежа на боку. И опять поднял весло. Чем ближе, тем тише идет его лодка. Тихо на громадной реке, и сейчас слышно, как поет вода. Да, на самом деле знакомая девушка...

Девушка потолкала лодку в корму руками. Но ведь это не кадушка с брусникой. Подошла к борту, попыталась раскачать.

Редко, редко и чуть-чуть гребет Удога, как бы не осмеливаясь приблизиться. Не доходя до большой лодки, его оморочка совсем замерла.

Оттуда видно – черная стрела, а над ней черная большая фигура человека. Парень, конечно. Кто бы другой стал так куролесить и гонять оморочку, выкруживать, как охотник в тайге, когда ищет след дорогого соболя. Хотя и не смотришь на все это, нет того, да и некогда, а как-то все-таки замечаешь.

А Удога видит девушку всю в солнце. От головы в необыкновенных волосах до голых колен в воде. Вся желтая. Удога смотрит с удивлением и настороженностью.

Теперь и она уставилась на него.

– Там мель! – кричит он.

Она молчит. Конечно, не много ума надо, чтобы понять, когда лодка уже на мели, что тут мель. И не много ума надо, чтобы этому учить!

– Вода часто покрывает ее, и мель становится незаметна, – говорит Удога. Он замечает – девушка совсем молоденькая и хорошенькая. – Никогда здесь не плыви. Разве ты не видела, как рябит вода?

– Помоги мне! – кричит девушка.

Удога проворно подъехал, слез в воду, отдал девушке нос оморочки. Налег грудью на тупую серую корму лодки, так что его голые ноги ушли в песок, но лодка не подавалась.

«Вот беда, как крепко села! – подумал Удога. – Стыдно будет, если я не смогу сдвинуть ее».

Парень высок ростом, широк в плечах. У него гибкое, крепкое тело. Случая не было, чтобы лодку нельзя было сдвинуть. Девушка засмеялась.

«Почему она смеется? – подумал Удога и налег на лодку изо всех сил, так что заболела грудь. – Вот беда, крепко села!»

Не жалея груди, Удога давил на корму, и еще давил, и все сильнее, и упирался ногами, и перебирал ногами так, что вода забурилась. Он тужился до тех пор, пока лодка не зашуршала и не всплыла.

Тут он разогнулся и поглядел на девушку. «Волосы у нее как трава осенью».

Он знал, что светлые волосы бывают у русских и у ороchon, приходивших в эти места.

Девушка приблизилась к нему и отдала веревку, за которую держала его оморочку. Мгновение посмотрела ему в лицо. У нее были черные глаза и румяные щеки.

– Какая у тебя лодка большая и тяжелая! Что ты в ней везешь? – спросил Удога.

Девушка, не отвечая, полезла в лодку.

– Почему у тебя волосы такие? Как седые!

Она молчала, спиной к нему насаживая измытое добела весло на колок к борту.

Потом взяла другое весло, подняла его. Удога видел на ярком солнце лопасть в свежих мохрах древесных волокон, обитых за день гребли водой, пухлую розовую руку, крепко державшую весло там, где кругленькое белое отверстие в резном утолщении. Девушка поставила оба весла и даже не поглядела на Удогу.

– Подожди! – сказал он.

Но девушка налегла на весла и отъехала. Течение быстро несло ее, и она гребла сильно. Теперь ее лицо стало черным. Вскоре лодка стала, как щепка, маленькой и тоже черной.

«Что это за девушка? Откуда она? Зачем была тут? Почему у нее такие волосы?..»

Удога осмотрелся.

– Э-э! Ведь тут близок шаманский остров, – снова вспомнил Удога.

Вон он, залег среди реки, весь в солнце, с песчаными буграми и обрывами, с лесами кедра, лиственницы...

На острове видна рогатая лачуга. Торчат крайние, неотпиленные жерди крыши. На них – резьба. По сторонам тропы, ведущей к дому, – два толстых мертвых дерева. Из них вытесаны плосколицые идолы с мечами на башках. Блестят сейчас две белые морды, будто высунулись страшилища из леса.

«Может быть, ездила ворожить к нашему шаману Бичинге?»

Удога залезает в оморочку, налегает на весла.

– Э-э! Вон и сам шаман куда-то едет! Кто-то везет его. Наверно, едет хоронить... Или лечить...

Лодка шамана как-то сразу оказалась вблизи Удоги. Она мчится быстро. Гребут десять гребцов. Удога упал в своей оморочке ниц. Но подглядывает.

Видно лицо шамана. Он почти слепой, сухой, с седыми косматыми волосами, в богатом халате и со множеством серебряных браслетов на руках. Держит шаманскую палку с резьбой. Его лодка проходит. Поехал куда-то... Не туда, куда девушка. И не в нашу деревню. К устью Горюна едет...

Удога поднял голову.

«Шаман уехал!»

Сразу две встречи: хорошая и плохая...

Он опять налег на весло и разогнал оморочку. День такой ясный, чистый, на душе весело. Удога улыбается.

«Кто такая и откуда?» – запел Удога.

Ханина-ранина...
Ты прекрасна и светла,
Ханина-ранина...

Отец ждет! – удар весла.

Мама ждет! – удар весла.

Брат ждет! – удар весла.

Вот и деревня, своя деревня. Удога подъезжает к берегу и пристает к пескам. На вешалах множество жердей, унизанных рядами распластованной красной рыбы. На корчагах и на жердях растянуты невода.

Онда – небольшое стойбище. Десятка два глинобитных зимников приютилось у подножия невысокого прибрежного хребта. Сразу за селением начинается дремучая тайга.

Напротив Онда, посредине реки, протянулся другой высокий остров, заросший ветлами, ильмами, осинами, кустарниками и краснолесьем. Летом на острове белеют берестяные балаганы стариков, а сами отправляются в тайгу.

Бегут радостные собаки. За ними идет отец Удоги – Ла. Он с медной трубкой в зубах, в коротком светло-коричневом халатике из рыбьей кожи. Лицо его темнее халата, а волосы седые.

Удога целует его в обе щеки.

Подходит мать Ойга. У нее кольчатые серьги в отвислых больших ушах, плоский нос. Сын целует ее.

Подбегает брат Пыжу. Удога снова целуется. Пыжу смеется, что-то шепчет ему на ухо.

– Ты набил хорошей рыбы! – удивленно говорит отец, заглядывая в лодку. Там лежит громадный таймень. – На Горюне был?.. На той стороне?

Удога поворачивается и молча идет домой.

Пыжу догоняет брата, хватая его за плечо, за шею, смеется, прыгает, толкает в спину.

Ойга берет из лодки тайменя.

Вечер у очага. Отец сидит на кане у маленького столика, поджав босые ноги так, что видны толстые черные пятки.

Все едят рыбу. Удога печален.

– Что с тобой, сынок? – спрашивает Ойга. – Ты совсем плохо ешь... – Она гладит сына по голове.

Удога молчит.

Ла отрезает длинный ломоть рыбы и, втягивая ее в рот, быстро заглатывает.

Пыжу сосет рыбью голову и с любопытством таращит глаза на брата.

Удога облизывает пальцы, встает с кана, как бы не зная, что делать.

Ойга, покачивая головой, пошла быстро на улицу. Ла и Пыжу чавкают у стола. Удога залез на кан и улегся. Отец все съел и вытер рот рукавом.

– Что ты, парень, все молчишь? – спрашивает он Удогу. – Наверно, проглотил что-нибудь дурное? Не чертенята ли залезли тебе в глотку?

Ойга вносит охапку хвороста.

– Ночь сегодня будет прохладная.

Вбежали собаки.

Удога вдруг поднялся резко. Собаки кинулись к нему. Одна положила ему лапы на плечи и норовила лизнуть в лицо, словно жалела и хотела спросить, что с ним.

– Я хочу жениться, отец! – поглаживая собаку, говорит Удога.

– Что? – подскочил от удивления старый Ла. Он отодвинул столик и схватил рубашку.

– Да, я сегодня увидел девушку и хочу на ней жениться.

Пыжу расхохотался.

– Э-э, парень, какая дурь у тебя в голове, – говорит Ла. – Пора собираться на охоту. Ты знаешь закон: идешь на охоту – не думай про баб и девок: удачи не будет. Это запомни на всю жизнь... Да у нас и выкуп за невесту заплатить нечем.

– Отец! – воскликнул Удога. – Эту девушку я сегодня на мели видел, помог ей сдвинуть лодку.

Ла надел рубаху. Пыжу бросил рыбью голову.

– А ты знаешь, кто она? Кто она, откуда?.. Ты знаешь? – спрашивает отец с досадой.

– Нет... – неохотно ответил Удога.

Собаки поворачивают морды, недовольно смотрят на Ла.

– И не говори об этом! Вот возьму палку и вздую тебя! Как это – ты хочешь жениться, а сам не знаешь, кто она! Да может быть, она нашего рода, и тогда тебе нельзя на ней жениться! Или из того рода, из которого по закону нам нельзя брать невест. И выкуп заплатить нечем. Ты слышишь? Или ты оглох? – спрашивает Ла. – Какой дурак! И уже жениться захотел! Вот женю тебя на кривой Чуге... На девке своего рода жениться захотел. Да может, она Самар? Она – Самар. И ты тоже – Самар! Дурак! И еще перед охотой... И платить нечем...

Отец рыгнул. Он закончил свой деловой день. Довольный и успокоенный своими словами, он как сидел, так и лег на спину, растянулся на кане.

Одна из собак твякнула на него яростно.

Удога понимал – сейчас и в самом деле следует думать об охоте. Но девушка не выходила у него из головы.

«Почему сразу за ней не поехал? – думал он. – Надо было сразу ехать за ней на оморочке, а я растерялся... Я всегда не могу догадаться вовремя...» Удога надеялся, что он ее еще встретит.

– Мы можем пойти в лавку китайца и взять товары для покупки невесты, – говорит Удога, наклоняясь к собаке, которая облаяла отца. Токо ласково лижет его щеки.

– Помни, я никогда не брал в долг у торговцев. Только я один не беру. И ты поэтому не должен.

Собака опять твякает в ответ старику. За ней другая. Старик рассвирепел, соскочил с кана и стал пинками выгонять собак на улицу.

Удога ссутулился и закрыл глаза кулаками.

Старик насмешливо посмотрел на него, взял на кане табак, трубку.

– Да ты не беспокойся! Пока мы будем на охоте, ее купит какой-нибудь богатый старик, а ты даже знать не будешь никогда, кто она и куда уехала. Так что перестань думать глупости. – Он опять лег и закурил. – Так что можешь быть спокоен. И думай про охоту. Дурак! Да помни: говорить про такие дела стыдно, – ведь ты парень, а не девка. Это только девки тараторят целый день про любовь... А нам с тобой надо поймать соболя, чтобы купить кое-что. Ты знаешь, я никогда не беру в долг у торгашей. А нынче соболев будет, много соболей пойдет за белкой. Я только удивляюсь, в кого ты такой дурак, что тебе не стыдно говорить про такое! – вдруг с сердцем воскликнул Ла. – Да мало ли кому ты лодку можешь сдвинуть. – Он опять лег.

Не выпуская длинной трубки изо рта, старик уснул. Послышался его густой храп.

Удога уныло сидит. Собака поскреблась в дверь и пролаяла сочувственно и приглушенно. Пыжу тер нос и поглядывал на лежащего навзничь отца и на его трубку, словно ожидал, когда он понадежней уснет.

Ойга раскатывала на канах кошмовые подстилки и большие ватные одеяла, приготовляя постели сыновьям. Отец предпочитал простую сохачью шкуру, как было заведено в старину. Он не очень любил покупные одеяла и кошму, говорил, что от них нет толка.

Глава третья. Прозрачная речка

Белка кочевала...

Все лето белки переплывали реку с левого берега на правый. Хозяйкам из стойбища Онда, когда они выходили на рассвете по воду, не раз случалось видеть, как мокрые зверьки отряхивались, вылезая на берег, и мчались по траве к ближайшим деревьям.

Ездовые собаки устраивали вдоль берега охоту на белок. Гольды не позволяли им жрать пойманных зверей, чтобы не привыкали. Голодные псы, чтобы избежать хозяйских побоев, ловили белок поодаль от стойбища и рвали их там в клочья.

Однажды мокрая белка, спасаясь от собачьей погони, забралась на дом охотника Ла. Сыновья Ла, Удога и Пыжу, залезли на крышу и поймали перепуганного зверька. Старик отнес его в тайгу и выпустил на елку, наказав с ним разных просьб Хозяину тайги и духам тайги – Лесным людям.

Все ожидали, что за белкой пойдут соболя. Осенью оказалось, что по всему левобережью вокруг селения Мылки не уродился кедровый орех. Белка еще большими стаями откочевывала к Онда и дальше в горы, а за белкой уходил и соболь.

Дули холодные ветры. Листья в тайге опали, опали пожелтевшие иглы лиственниц. До ледостава охотники промышляли вблизи Онда. А когда выпал снег и застыли речки, ондинцы собрались в тайгу на всю зиму.

Каждая семья направлялась на свою речку.

Старика Падеку с сыновьями и внуками знакомый гиляк повел в хребты на остров за малым морем. За это он получит товары, купленные дедом Падекой у маньчжур.

Чернолицый Ногдима с неженатыми братьями пошел в верховья собственной речки, недалеко.

Седобородый Хогота с соседями из деревни Чучу поехал на нартах к заливу Хади.

Кальдука Толстый и Падоба еще до морозов уплыли по реке Горюн вверх, они пойдут в хребты, где все лето лежат снега. Там очень хорошие черные соболя.

Ла из рода Самаров с сыновьями, Удогой и Пыжу, направился в верховья Дюй-Бирани – Прозрачной речки, впадавшей в Мангму неподалеку от Онда.

Часто охотничьи семьи объединялись, отправляясь в далекие и опасные зимние походы. Как и обычно, постоянными спутниками Ла и его сыновей и на этот раз были их соседи и родичи, старик Уленда и его единственный сын Кальдука Маленький из того же рода Самаров.

Мохнатые остромордые псы тянули пять нарт, тяжело груженных юколой и теплой одеждой. Охотники шли на лыжах, каждый подле своей упряжки, помогая собакам тянуть нарты. Ночевали под корнями старых деревьев или под обрывами берега, где можно укрыться потеплее.

Вечерами у костра Ла рассказывал божественные сказки. Дядюшка Уленда хозяйничал: кормил собак, чинил постромки, готовил пищу и поддерживал огонь. Уленда никогда не был хорошим охотником, и поэтому на него и на Кальдуку возлагалась вся работа по хозяйству. Обычно над дядюшкой подшучивали, но сейчас никто его не трогал: перед промыслом было не до смеха. Озорник Пыжу и тот только посмеивался потихоньку в рукавицу, глядя, как дядюшка с трубкой в зубах, повязав теплым платком круглое, бабье лицо, склонился над кипящей похлебкой и, испуганно озираясь по сторонам, что-то шепчет, отгоняя от варева злых духов. Пыжу знал, что у огня не может быть нечистой силы и что дядюшка напрасно беспокоится.

Ночи охотники коротали кое-как, словно сон был чем-то ненужным, дремали где-нибудь в дупле, сидя на корточках, прикорнув друг к другу, либо, прячась от ветра, забирались под вывороченные корни деревьев.

Перед рассветом были привязанные собаки, дядюшка вылезал наружу, и вскоре слышался его пискливый голосок, укорявший за какие-то провинности злого вожака-кобеля.

На третий день пути Самары добрались до своего старого балагана в верховьях Дюй-Бирани – Прозрачной речки.

На опушке дремучего елового леса, над ручьем, виднелся полузанесенный снегом шалаш. За остроголовыми елями, как большие сугробы, возвышались округлые белые сопки.

Глава четвертая. Сердце соболя

Оставив собак у ручья, Ла с заклинаниями поднялся на угорье. Гольды тихо двигались по лыжне старика. Собаки перестали лаять, и в торжественной тишине слышно было лишь хриплое и тяжелое дыхание.

Отпугнув злых духов, Ла вошел в шалаш. Уленда и парни последовали за ним. Пока старик что-то бормотал, расставляя вдоль стены деревянных божков, Уленда натаскал валежника. Ла вынул из кожаного мешка бересту и разжег от родового кремня огонь...

Охотники стали молиться.

– Соболя давайте, белку давайте! – просили они.

– Сохатого пошли, чтобы все было благополучно, сделай, – кланялись они огню.

Позяней – Хозяину тайги, богу охотничьего племени – вылили в огонь чашечку ханшина. Каждый угощал Позя своими запасами. Удога и Пыжу кинули в огонь по кусочку кетовой юколы. Тут была и борикса – жирная кета со шкурой, и макори – из чистого мяса без костей, и хутку – кетовые брюшки. Уленда сжег для Позя кусочек сала с сохачьего брюха.

На другой день началось самое главное угощение богов. Из круп сварили каши и приготовили всякие кушанья.

Ла знал, как надо готовиться к добыче соболей...

На стволе толстого кедра подле балагана он вырубил топором и разукрасил ножом круглую плоскую рожу.

– Это – Сандиемафа – Старик солнца. Надо его кормить и молиться, – говорил Ла. – Если Сандиемафа примет угощение и услышит молитву, то в котле, когда мы станем кушать, найдем сердце соболя.

Пять палок, воткнутых перед Сандиемафа, изображали души пяти ондинцев, жаждущих охотничьего счастья. Каждый, как умел, вырезал на палке свое лицо. Пыжу ловко выскоблил горбатый нос, а Кальдука пустил по своей палке подобие медных пуговиц, желая и перед Сандиемафа щегольнуть модной, привезенной издалека, китайской одеждой.

Перед деревом Ла поставил котел, полный горячей каши. Уленда подмешал в нее сухой кетовой икры и добавил немного перцу, которым он еще летом раздобылся у торговца Гао. На полках охотники развесили свои адолика – сетки с раскрытыми капканами для лова соболей – и луки со стрелами.

– Боги сопки и неба, кушайте! – ниц перед котлами пали гольды.

– Чтобы соболя сердце упало к нам... – шаманил Ла.

Как и многие старики, он умел шаманить. Но Ла шаманил только для себя.

Сандиемафа угощали всеми кушаньями, обильно мочили его кедровые губы аракой. Каши, соусы, жир с сохачьего брюха, кушанья из кетовых брюшков после Санди доедали сами охотники. Такими кушаньями не вредно было лишний раз угостить и деревянных идолов в балагане. Ла намочил их носатые рожицы аракой и помазал наперченной кашей. Побрызгали водкой и вокруг балагана. Сопки, кедровые сугробы, деревья, Позя, Сандиемафа, небо и сами охотники все в этот день было пьяно от сансинского ханшина. То-то была гульба...

Вечером Самары распили хо – медную бутылку ханшина. Дядюшку Уленду, с общего согласия, назначили на все время промысла готовить пищу и следить за огнем.

Ла доедал кашу и нашел на дне котла сердце соболя.

Пыжу было усомнился: сердце ли это? Не хочет ли отец посмеяться? Что-то этот кусочек смахивал на обрезок от сохачьей брюшины, который Уленда по небрежности выбросил не в орешник, а в котел. Такая у старика привычка – кидает и не видит куда.

Но отец дал бы Пыжу хорошую затрещину, если бы он вздумал высказать такие сомнения. Пыжу помалкивал. Ладно, может быть, верно, это сердце соболя...

– Нам охота счастливая будет: сердце соболя в котле... Соболя сами придут... – радовался отец.

Ла шаманил всю ночь, благодарил бога за добрые известия.

Угощение, молитвы и благодарения пришлись, по-видимому, по сердцу высшим силам. Ночью шел снежок, а наутро охотники, выйдя в тайгу, нашли на окрестных сопках множество свежих соболиных троп.

Глава пятая. Следы

Однажды Ла заметил, что к его самострелу с убитым соболем подходил неизвестный человек.

– Вор!

– Вор!

– Убить его! – сказал Ла. И охотники побежали по следу. Но след какой-то странный. В одном месте кажется, что тот, кто шел на лыжах, поднялся на воздух... След прервался. Какое-то чудо. Да, так бывает не только в сказках. Такие существа ходят по тайге, а потом исчезают...

Старик и его сыновья опешили. Решили вернуться, посмотреть, что с ловушкой.

Старик ползал на коленях, смотрел на следы и понять не мог, почему чужой человек насторожил самострел сызнова, хотя зверек уже попался.

Соболя не взял... Может быть, потому, что соболь с пролыснями? Замерзая, зверек так согнулся, что на спине его под черно-пегой шерстью выкатился горб, пасть оскалилась в бес- сильной злобе, кровь застыла на зубах. Соболю, умирая, пытался вытащить стрелу, хватался за нее зубами. Окоченевшая горбатая тушка была пробита насквозь. Вокруг снег с пятнами зве- риной крови, как сахар с застывшим соком. Вкусное кушанье для собак! Псы съедали застыв- шую кровь, выкусывая ее вместе со снегом.

Ла подозвал сыновей. Старик и парни присели на корточки.

– Почему след был хорошего черного соболя, а попался плохой? – спросил Удога.

– Наверно, этот человек нашего соболя украл, а своего, плохого, нам подбросил, – с доса- дой ответил маленький горбоносый Пыжу.

– Нет, неверно! – сказал старик. – Дураки, ничего не понимаете. Хороший человек был. Не воришка.

Через тропку чужой рукой были натянуты один над другим три волоска. Нижний – совсем в снегу. Ла был беден, он никогда не ставил на тропку три волоска сразу. Конский волос дорого ценился на Мангму. У маньчжурских торговцев приходилось покупать каждую волосинку. У зверей нет таких волос, как в хвосте у лошади. А лошади у маньчжуров очень-очень далеко, и еще дальше у китайцев. И торговцы уверяют, что за последние годы хвосты у лошадей в Китае почему-то не растут и что конские волосы страшно вздорожали. А тут человек не пожалел трех волосков для чужого самострела.

Ла понимал – три волоска натягивать лучше, чем один. Если подует ветер, начнется сне- гопад, нижний волосок занесет, сверху останутся еще два. Соболю все равно попадется.

– Если бы украл соболя, то хорошую ловушку не поставил бы, – сказал Ла. – Хорошего бы взял и плохого не бросил...

Ла знал, кто ставит ловушку в три волоска.

– Это лоча! – сказал старик. – Это они такие ловушки любят делать. Видно по устройству.

Молодые парни переглянулись. Удога быстро поднялся и пошел вверх по тропке, читая следы и трогая их прутиком.

– А-на-на! – вдруг воскликнул он.

След оказался двойной. За крупным длинношерстным соболем прыгал тот самый пегий и лысый, что попался под стрелу. Этот пегий чего-то боялся и свой след в тайге не оставлял. Он старался след в след прыгать за хозяином тропки, но оступался.

Он, видимо, и жил тем, что крал добычу у хозяина или подъедал остатки.

Удога все понял. Лысый маленький соболь бегал по следам хороших соболей, портил их. Охотник решил его убить. Он выгнал лысого со своей речки, и тот попался на самострел Ла, приготовленный для другого зверька. Хитрец сам себя перехитрил. Теперь он, жалкий и горбатый, окоченел, скаля зубы в бессильной злобе.

Чей самострел – того добыча. Охотник оставил соболя соседям. Но чтобы не нарушать охоту на хорошего соболя, снова насторожил самострел. Он устроил это по-своему, словно поучая соседей, как лучше делать ловушку. Он выказал щедрость, не пожалел трех волосков и стрелы.

– Может быть, это Фомка? – спросил Пыжу.

– Нет, это не Фомка, – ответил отец. – Фомка охотится так же, как мы. Да он этой зимой пошел на Амгунь совсем в другую сторону. Туда ходят гиляки, и с ними приходят те двое лоча, которые убежали из своей страны и теперь живут на устье Мангму. Он пошел туда, чтобы встретиться с ними.

Фомка, сосед ондинцев, – бывший русский, поселившийся на Амуре и женатый на тунгуске. Его за русского никто не считал. «Он когда-то раньше был русским, сам забыл», – так говорили о нем. Ла знал след Фомки. Это тяжелый человек с большими лыжами. Совсем другой охотник подходил к ловушке сегодня. Этот был издалека и охотился по-своему.

– По следу, как по лицу, все видно, – сказал Ла сыновьям. – Он идет легко. На сучок никогда не наступит, – значит, глаз зоркий.

– Куда же он мог деться? Неужели взлетел?

– Нет, быть не может...

Оказалось, что охотник с разбегу спрыгнул с небольшого обрыва. Какой ловкий! Прыгнул раньше, чем доехал до отвеса.

Все разобрали по следам. И увидели на деревьях засечки. Русский звал соседей к себе.

Всем хотелось встретить этого человека и поговорить с ним. Ла поднялся и вырубил на коре дерева стрелку, показывающую дорогу к своему балагану. Так он приглашал русского к себе.

– У лоча лошадей много. Конский хвост не жалеют, – говорил Пыжу.

– В Мылках есть старик Локке. У него светлая борода, – рассказывал Ла. – Он эту бороду в косичку заплетает, потому что волосы сильно растут. У него дедушка был русский. Их род от русского идет.

Ла замотал головой.

– Маньчжуры боятся русских. У-ух, трясят!

Гольды засмеялись.

– Лоча народ рослый. У-у, такой высокий-высокий, стреляют метко, дерутся хорошо, на лыжах быстро бегает, – говорил Ла; он стал хвалить русских, как людей, которых видал редко и знакомством с которыми гордился. – Раньше, когда тут жили лоча, – хлеб рос. Когда русские ушли с Мангму – каменные столбы в тайге поставили, чтобы у этих столбов зимой встречаться с народами Мангму. У нас в верховьях Горюна такой столб был. Наши старики говорили – когда столбы упадут, лоча вернутся. Падека ходит туда охотиться, говорит – столбы уже упали. Лоча живут за горами. У них бороды большие.

Злая, беснежная буря началась в тайге. Снег чуть не потоками льется с деревьев. Ветер подхватывает его и разносит и метет снег по насту.

– Может занести наши ловушки, – говорит Ла.

Приютились под огромным вывороченным корневищем от вековой упавшей лесины. Тут, за ветром, развели огонь. Пыжу и Удога натянули парус.

– О, как тепло! – с восторгом говорит Пыжу. – Втроем не страшно, правда, отец? И тепло...

– Ушел вверх по ключу, – говорит отец.

– Она, наверно, сверху приехала... – бормочет Удога.

– Конечно, сверху, – отвечает Ла. – Ты же видел следы, он ушел вверх и еще оставил затески на дереве. Зачем он приглашал нас к себе? Как ты думаешь?

– Но ведь мы Самары? – говорит Удога.

– Ну да, мы – Самары, – отвечает Ла.

– А ведь наверху живут люди не нашего рода. Правда, отец? Там живут люди рода Бельды?

– Какие Бельды?

– А ведь они не нашего рода...

– Ну?

– Значит, и она не Самар. Не нашего рода...

– Кто она? Не порти нам охоту, не смей говорить про глупости... Какой дурак! Сколько раз я тебя учил...

На другой день еле добрались до балаганы соболя.

Ла решил сам сходить к лоча.

Он спустился в долину. Соболевых следов было много, но все замерзли, покрылись коркой. Они не были рыхлыми, свежими, да к тому же снежная пыль, падавшая с деревьев, засыпала их. У ключа в снегу, на месте исчезнувшей палатки русского, виднелся черный квадрат земли.

– Худо, худо! Ушел. Мы поздно пришли.

Старик пожалел, что не встретился с ним и не поблагодарил, незнакомый человек помог ему, сделал доброе дело и даже не показался.

Нигде не было видно его следов.

Вместо него пришли чужие охотники; сразу много их явилось.

Однажды они перевалили хребет и стали ставить сторожки на родовой речке Ла.

Глава шестая. Ссора на родовой речке

Пыжу, устраивая петли и ловушки, набрел на след кровавого пиршества. Рысь поймала и разорвала зайца. Парень выглядел сытую хищницу на развесистом кедре и сшиб ее стрелой. Удога с собаками поймал на пустом пеньке соболя, а Кальдука и Ла принесли кабаргу. Охота обещала быть удачной, и Самары благодарили своих богов за посланных зверей.

– Ты какой умный парень, – сказал Удоге отец. – Наверно, забыл про девку, потому и поймал соболя.

Но Удога не забыл встречу с девушкой. Он целыми днями думал о том, как бы найти ее летом.

Охота продолжалась благополучно, и старики были довольны сыновьями. Но вот однажды утром Ла заметил чьи-то следы на своей лыжне. Неизвестные подходили к его ловушкам, расставленным на лис по логу, и вывершили ручей... Эти ходили не затем, чтобы помочь Ла охотиться. Но добычи не тронули.

Пыжу, возвратившись на следующий день с охоты, рассказал, что он подымался на хребет и видел подле устья Сухого ключа чей-то дымящийся балаган...

– Это плохие люди пришли к нам за соболями, – решил Ла. – В тайге их встретим – «здравствуй» не скажем. Пусть знают, что эта речка наша.

На другой день Удога набрел в черноселье на жеребца сохатого. Зверь стоял к нему жирным крупом и, завернув мохнатую морду так, что виден был лишь горбатый нос, глодал кору молодой осины.

Удога стал подбираться к нему, держа наготове лук. Лось учуял опасность – вздрогнул, его задние ноги подкосились... Зверь на миг осел, словно его стегнули бичом по крупу, вдруг рванулся и с треском помчался по густому чернолесью.

Юноша ринулся за ним. Сохатый шел крупной рысью и, несмотря на рыхлый снег, быстро удалялся. Удога прогнал его через чернолесье на болото. На открытом месте снег был покрепче, гольд побежал быстрее...

У опушки сохатый почему-то не вошел в тайгу, а испуганно метнулся в сторону и понесся вдоль окраины болота. Удога свернул было ему наперерез, но в этот миг из тайги на снега мари вылетели двое охотников в белых сохачьих одеждах, с копьями в руках...

«Э-э, так вот кто подходит к нашим ловушкам, – подумал Удога. – Будем знать теперь, кто вы...»

Это были гольды рода Бельды из большой деревни Мылки, расположенной на озере Мылки, как раз напротив гьяссу маньчжурских торгашей и разбойников, приезжавших на лето.

«Торгаши куда забрались!» – замедляя бег, подумал парень и остановился.

– Скорее пятнай высокого, чего мешкаешь! – крикнул ему рослый седой старик с серебряным кольцом в носу.

Это был Денгура, мылкинский богач и старшина рода Бельды, подручный маньчжуров и сам заядлый торгош, путавший долгами своих же сородичей. Другой гольд был молодой парень Писотька Бельды. Следом за ними из тайги вышли еще трое мылкинских.

– Эй, парень, – приближаясь к Удоге, насмешливо заговорил Денгура, смотри, если тебе лень бежать за высоким, то как бы не нашлись на него другие охотники. Я ведь старшина... Захочу – все возьму.

– Тяп-тяп-тяп-тя-я-я... – вдруг передразнил его ондинец. – Не хочу твою речь слушать, – и, повернувшись к мылкинцам спиной, побежал обратно в чернолесье.

Обычно на Дюй-Бирани зверовали ондинцы. Лишь изредка по звериному следу забредали туда чужие охотники. Если пришельцы оказывали ондинцам уважение, им никто не мешал брать добычу...

Ондинцы и сами в пылу охотничьей страсти пятнали зверей чуть ли не до Хунгари, и споров у них с соседями не бывало.

И на этот раз они надеялись, что, может быть, после встречи с Удогой мылкинские Бельды посовестятся и либо придут мириться, либо откочуют куда-нибудь подальше. Но Бельды жили на Сухом ключе, в полудне хода от балагана Ла, мириться не шли и охотились по-прежнему. Денгура, как видно, полагал, что ондинцы не посмеют противиться ему, деревенскому старшине, который дружит с маньчжурами и сам стал купцом. Он надеялся, что ондинцы испугаются и дадут ему меха, только бы не заводить спора.

Однако он ошибся. Ла, Уленда и их дети принадлежали к роду Самаров. Самары никогда еще ни в чем не уступали роду Бельды. Они чувствовали себя оскорбленными и решили силой прогнать Бельды со своей речки.

Через несколько дней после встречи Удоги с Денгурой младший сын Ла, ладивший поутру самострелы на соболиные следки, заметил, что из пихтача на каменный рог сопки вылез, барахтаясь лыжами в глубоком снегу, Писотька Бельды.

– Эй, проваливай отсюда! – крикнул ему Пыжу. – Здесь мои ловушки.

Писотька, не ожидавший такой встречи, остолбенел. Стыдясь отступить перед Самарой, он стал как бы в рассеянности поглядывать то под гору, в горелый лес, то на густой голый осинник, торчащий из сугробов по увалу.

– Чего башкой вертишь?! – вдруг заорал Пыжу, решивший, что Писотька делает вид, будто поджидает своих.

И недолго думая Самар натянул лук, заложил приготовленную для соболя стрелу тупым концом вперед и пустил поверх Писотькиной головы, так что она чуть задела белую сохачью шапку. Тут Писотька, забыв стыд, в ужасе кинулся под утесы и скатился на лыжах в падь.

Пыжу кричал ему сверху что-то обидное, но ветер относил слова. Бельды пригрозил ему копьем и побежал к своим, ощупывая разорванную стрелой шапку с вылезшими наружу клочьями меха.

* * *

Очень холодно. Тайга замерзла и опустела.

Старик Ла идет сердитый, тычет прутиком в следы, качает головой. Все следы старые, замерзли. Звери больше не ходят, залезли в норы и дупла.

Ла налегает на лыжи. Он подходит к шалашу и слышит, что там идет веселье, молодые парни играют в карты. Услыхав скрип снега, они прячут карты. Уленда спит.

– Тайга пустая! – говорит Ла, раздеваясь. – Следы замерзли, все звери спят. Только старые следы есть. Завтра пойдем домой.

Ла ударяет ногой Уленду.

– Старый дурак! Парни тут лентясы... У-у! – Он гоняет заспавшегося старика по шалашу.

Утром пятеро охотников стали дружно укладывать меха в мешки. Промысел был удачным. Одна к одной укладываются огромные серебристые и красные лисы. Пышные черные соболя. Колонки. Рыси с кисточками на ушах. Выдры. Многие шкуры вывернуты мездрой вверх. Ла выворачивает мехом вверх соболя.

– Какой большой! – говорит Пыжу.

– Да, какой плохой! – грубо перебивает его отец.

– Да, да, плохой! – спохватывается сын.

– Плохая охота была! – жалуется старик. Так полагается.

Потащили мешки из балагана. Вот уж стали укладывать в нарты, привязывать. Запрягают собак.

«Домой! Домой!» – ликуют сердца молодых.

Бельды тоже собрались домой.

Денгура, запахивая белую дорожную баранью шубу, с важностью уселся в большую красную нарту. Нарта, как кресло, со спинкой. Упряжка из одиннадцати рыжих собак. Недалеко другая нарта, около нее суетятся еще охотники.

Перед Денгурой стоит маленький, бедно одетый старичок Чакча.

– Пойди в их деревню! – властно говорит Денгура. – Скажи, вы хотели нашего Писотьку убить, все равно что убили, мы будем думать, что убили нашего.

Писотька Бельды подымает собак и вскакивает на первую нарту верхом. Нарта за нартой проносятся мимо бедняги Чакчи.

Чакча вздыхает, качает головой, берет торчащие из снега лыжи и палку. Поднимает двух тощих собак, подпрягается и тащит полупустую нарту по другой тропе.

* * *

Ла сидит у себя дома на кане, поджав босые пятки. Пылают два очага. Полутьма полна скуластых лиц.

– Он сказал, – говорит Чакча, – «вы нашего Писотьку хотели убить, все равно, что убили... Платите выкуп за убитого или будем воевать!»

– Будем воевать! – яростно кричит оскорбленный Ла.

– Ай-ай-а-а-ай! – орет Ойга. – Зачем воевать?

– Нет, отец, обязательно пойдем воевать! – горячо говорит Удога.

– Чакча! Отвези им наш ответ, – говорит Ла. – Скажи: «Вы хотели свои ловушки поставить там, где наши стояли, по нашей лыжне ходили, – все равно что обокрали нас. Будем знать, что вы воры, а мы только попугали вашего, совсем убить его не хотели, только ему шапку порвали, а вы за это грозитесь убивать нас, все равно что убили, будем думать, что убили, вас в долгу два раза считаем».

– Я сначала съезжу домой, отдохну, – отвечает Чакча.

Он уехал.

Ойга кричала на мужа, рвала на себе волосы, кидала чугунные сковородки.

– Зачем воевать, пожалей детей! У тебя два сына! Пусть войну затевает тот, у кого девки!

Чакча честно выполнил поручение и слово в слово передал ответ Самаров.

Ссора разгоралась.

Денгура с жаром взялся за дело, желая иметь повод, чтобы притеснить Самаров. Это был один из тех людей, которые любят ссоры, кляузы, тяжбы.

«Да, вот тебе и сердце соболя, – думал Пыжу. – Нет, это было не сердце соболя. Удача нам в тайге была, но соболя все же не сами к нам бежали, а мы за ними гонялись да гонялись. В тайге поссорились. Война будет... Не знаю, может, верно, это было сердце соболя, а я подумал, что кусочек от сохачьего пуза, и Сандиемафа рассердился и нагнал за это Бельды на нашу речку!»

Глава седьмая. Лоча

Рассвета еще нет. Едва можно различить очертания низеньких жилищ, с неотпиленными жердями на крышах.

В доме Ла скребется в дверь собака.

– Сейчас выпущу тебя, Токо, – говорит Удога.

Собака выбегает, садится на снег и начинает выть. И сразу же из-под амбаров отзываются другие собаки.

Тоскующий протяжный вой сотен собак возвещает о приближении дня, хотя рассвет еще не начинался.

О чем они воют? Может быть, шаманы правы, его человеческие души живут во псах и тоскуют о своей судьбе?

Ойга высекла огонь. Кашляет Ла. Он закуривает трубку.

...Лес побелел от инея. В воздухе мгла. Обильно падает изморось. Тускло, косматым желтым пятном сквозь мглу едва проглядывает солнце.

– В такие морозы все звери залегли в дупла и в норы. Теперь охоты нету, – говорит Ла. – Когда морозы не такие сильные будут, тогда в тайгу опять пойдем. А сейчас зверей не встретишь, только злого духа встретить можно.

Сквозь морозный туман ярко пробивается желтое косматое солнце. Еще два малых солнца по бокам его.

Прибежал Пыжу, всех всполошил. В тумане едут какие-то люди и разговаривают на незнакомом языке. Низкими, гортанными голосами, как будто лают хриплые, простуженные кобели.

Мужчины пошли на берег. Ла, насторожившись, вглядывается в туман.

– Вот они опять разговаривают, – говорит Пыжу. – Может быть, сбились с дороги? Кто такие?

Качая бедрами, подошел Уленда. За ним приплелся Кальдука. Из соседнего дома с оравой мальчишек спешит чернолицый молодой Ногдима. Ковыляет старик Падека, которого от болезни так согнуло, что он придерживается рукой за землю.

– Ну, вслушайся, отец, – просит Пыжу, – ты же знаешь все языки мира и сразу поймешь, кто едет...

Слышно, как скрипят полозья. Голоса все ближе.

– Знаешь, я не слыхал подобных слов... Они едут прямо сюда...

– Я, кажется, начинаю бояться, – говорит Пыжу.

Из густого тумана быстро появляется нарта и мчится к берегу. Она как раз под солнцем. С нее соскакивает человек с огромной рыжей бородой, в косматой рыжей шапке. Он снимает шапку, но голова его не меняет от этого цвета.

– Не бойтесь! – раздается крик на языке наней. За рыжим шагает высокий гиляк с черными лохматыми волосами.

– Ла, здравствуй!

– Позь? Это ты?

Позь и Ла целуют друг друга в щеки.

– А это мой друг Алешка...

* * *

В доме Ла гости. На кане сидит человек с бородой цвета посохшей осенней травы, с глазами как морская вода на Ньюнги-му, где гиляки бьют водяных зверей копиями, загоняя их на мель.

– Лоча приехал! Лоча! – пронесся слух по деревне. Ондинцы собрались в зимник Ла.

– Уй, лоча, какой нос длинный! – переговаривались они.

– Это не ты охотился на Дюй-Бирани?

– Я.

По канам пробежал ропот изумления.

– Ты нам три конских волоска протянул? Мы хорошего соболя поймали. Следы хорошо знаешь. Зачем к нам гонял плохого соболя?

– Я и людей и зверей не люблю таких, которые чужим следом ходят, чужую добычу жрут. Следы людям портят, – ответил русский. – Когда такого хитрого зверя убьем, охотиться будет хорошо. Когда поймаем того, кто нам мешал жить дружно, – от несчастий избавимся.

– Верно, такие люди есть, – согласился Ла. – Это наши соседи мылкинские Бельды... Если их, как лысого соболя, убить, – будем жить хорошо. А ты куда дальше пойдешь?

– Домой к себе пойду.

Скоро год, как ушел Алексей Бердышов из родной забайкальской сторонки. Но не только страсть к пушному промыслу повела его на Амур.

Однажды на Усть-Стрелке у атамана был в гостях исправник Тараканов и полицейские с горных заводов. Бердышов подвыпил, поспорил с ними, стал ругать горное начальство, – но это было еще ничего. Он выбрал купцов Кандинских и прошелся языком вообще по всем – и низшим и высшим.

На другой день Тараканов призвал казака к себе и велел ехать в Нерчинск. Алексей был бесстрашным человеком на охоте и при встречах с врагами, но здесь он знал – никакая храбрость не поможет, каким бы стойким он ни был, его будут без конца пытаться и допрашивать, не подучил ли его кто, будут вымогать у него меха. Бердышов решил убраться с глаз долой подальше и тем временем обдумать, что делать. Он не поехал в Нерчинск, а, узнав, что один из кяхтинских купцов идет с товарищами на Тугур, нанялся к нему. Бердышов сначала хотел поселиться где-нибудь, куда никто не доберется. И он нашел такое место. Там оказалось много золота, в той горной долине. Бердышов решил идти с добычей домой. Он соскучился по семье. Он твердо решил, если к нему по возвращении опять станут придирааться, уйти на Амур совсем. На всякий случай кроме золота он подкопил меха, надеясь откупиться от полицейских. По дороге Алексей охотился и шел все дальше и дальше. Летом из Удского края Алексей послал письмо в Забайкалье с кочующими тунгусами. В письме он извещал, что идет на Амур. Тунгусы обещали передать это письмо от рода к роду, от кочевки к кочевке и отвезти его до самой станции Усть-Стрелки, откуда Алексей был родом.

Домой казак решил вернуться не Становым хребтом, а Амуром, о богатствах которого наслышался. Через хребет перевалил на реку Амгунь, впадавшую в Амур. За ней хребты снова поднимались в глубочайшую синь, загроможденную кучевыми облаками. Он шел и по привычке брал пробы песков. На нескольких речках нашел золото. Одна из россыпей оказалась богатейшей. Но мыть ее нечего было и думать – без припасов он умер бы с голоду. Наступала осень. Зимой Алексей охотился, продвигаясь к Амуру.

На устье Горюна он встретил человека, признавшего сразу русского в Алешке. Оказалось, что Позь знает по-русски.

Он шел с нартой, груженной товаром. Сказал, что едет торговать в землю маньчжур из земли гиляков, с устья Мангму. Сам живет на море, на мысу Кошь.

Так и пошли вместе, на трех нартах. Алешке надо купить юколы на дорогу. Нужны меха, летом где-то придется купить лодку.

– Где ты по-русски научился? – спросил он гиляка.

Но Позь отмахнулся. Потом Позь спросил:

– Ты знаешь, что такое академик?

– Оленник, может?

– Тьфу! – плюнул Позь.

На ночевке Алексей переспросил:

– Про кого это ты меня спрашивал?

– Как, ты не знаешь, кто такой академик, Алешка? Ты сам-то русский? Академика не слышал?

– Нет.

– Есть школа, там учат. Да?

– Да.

– Самый ученый – академик. Как амбань над учеными. Теперь понял? Нет?

Позь удивительно хорошо говорил по-русски. Но кто такой академик, Алешка все же не понял.

– Поп, может?

– Поп это шаман. Академик как китайский ученый, который делает женшень, карты чертит, скажет, какая будет зима.

– Ну, ученый.

– Конечно! – отвечал Позь.

В русской экспедиции, где Позь был проводником, звали его Позвейн. «Он – гений в своем племени!» – говорили про Позя ученые. Позь встречал и американцев. Ездил торговать к китайцам. Отец Позя был тунгус, явившийся в землю гиляков из России. Позь бывал у русских в селениях.

Гиляк с холодным взглядом. Как куски черного льда его глаза. Он широкоплеч, носит хорошее оружие. Алешка предлагал ему винтовку за меха.

– Сменяй гольдам, будет выгодней! – посоветовал Позь.

* * *

– Русская земля вверх или вниз? – спрашивали гольды.

– Зачем русский домой идет вверх? Разве у них там земля?

Позь любил поговорить о русской земле.

– Русская земля и вверх и вниз, и там и тут! – воскликнул он. – Большая земля! Мы целый год шли – только край ее узнали. Еще разных краев есть много. Хорошая земля! Даже такой есть край, где муку делают, где корова живет. Русская земля вот такая, – вскочил он и раскинул руки, словно собирался захватить в объятия всех сидящих в доме.

– А скоро русские придут? – спрашивал Хогота.

– Скоро придут! – отвечал Алексей. – Скоро много наших придет. Полон Амур. По-вашему – Мангу, по-нашему – Амур.

– Правду говоришь?

– Конечно, правду, вру, что ли?

– Уй, как смешно! Совсем у вас название неправильное.

– Правильное название будет не Мангу, а Мангму, – учил Ла русского, Мангму – сильная вода, богатая река. Морской черт будет Му-Амбани. Морской бог – Му-Андурн...

Старики возмущенно закричали:

– Ему только пятьдесят лет, а нас учит! Мы всегда говорили «Мангу»... Мальчишка лезет со старшими спорить!

– Нет, Мангбу! – закричали из угла. – Мангбу! Мангбу!

Между гольдами начался спор, как правильно называть великую реку.

Хозяева угощали русского юколой, рыбьим жиром и лепешками.

– Почему в тайге одни только твои следы были?

– Настоящая охота всегда бывает, когда человек один охотится.

– Давай торговать, – предложил Ла.

– Давай меняться! Соболя есть?

– Есть! У-у! Есть! – обрадовались ондинцы.

За разговорами началась меновая.

Алексей Бердышов – краснолицый, голубоглазый, с жестким, худым лицом, темно-русый, кося сажень в плечах, с высокой выпирающей из-под рубахи грудью, с рыжеволосыми руками.

Удоге нравилось смотреть на Алешку. У него волосы такие же, как у девушки, которая встретила парню летом. Алексей и Позь хотели пополнить запасы юколы.

– Мы слышали, какие лоча, – говорил Ла. – Вниз по реке деревня есть Мылки. Там наши враги живут. Старик у них с рыжей бородой есть. Зовут его Локке. Его деды русскими были. Когда лоча жили на Амуре, его дедушка в Мылках остался. Пойдешь через Мылки, его увидишь. Чтобы тебя там не обидели, мы с тобой им кое-что передадим. Нашим посланцем будешь. Посланца закон обижать не позволяет. Когда приедешь в Мылки, спроси про старика. Он рода Бельды. Теперь его против нас воевать заставляют. Ему на бороду посмотри – сразу узнаешь, что лоча.

– Красная борода как красный тальник, – молвил Алексей по-гольдски. Ондинцы засмеялись.

– Наш бог от бедных людей родился, был рыбак, рыбу ловил, – щурясь и поблескивая глазами, говорил Бердышов, – нам за бедных заступаться велит. Мы всегда так и делали. Наш бог хороший. Старика бородатого, дедушку Николу, никогда не видал? – Алексей показал маленькую в золотой ризе икону Николая Чудотворца. – Бога нашего помощник, приятель... Русский бог. В одежде из дорогого красного серебра ходит. Хороший старик дедушка Никола...

– Передай Бельды, что летом пусть в лодках выезжают сражаться... Из луков на озере стрелять друг друга будем.

– Кто такие Бельды?

Ла рассказал.

– Вы братья, а хотите воевать! – удивился русский.

Все возмутились:

– Какие мы братья? Они – Бельды, а мы – Самары. Совсем другой род. Они плохие! Совсем чужие люди!

– Род другой, а люди одни! – Русский понял, что у Самаров с Бельды один язык и они друг у друга жен берут.

– Смотрите! Когда подеретесь – меня еще вспомните.

– Вам надо не между собой драться, а вместе маньчжуров бить, – сказал Позь. – Вот так. – Он поставил перед собой бабку и ударил ее так здорово, что она отлетела.

– Силы нету! У них ружья! – закричали Самары.

– У нас тоже ружья! На! – протянул ружье Алексей. – Возьми мое!

Это ружье сделал на Шилке сосед и друг Алексея кривоногий шилкинский казак, искуснейший кузнец и оружейник, самоучка Маркешка Хабаров. Ла выменял Алешкино ружье. Отдал соболей, сушеное мясо, сто пластин юколы и упряжку собак.

– Русские хорошие! – говорил Ла, довольный меновой.

– У нас помнят, что на Амуре наши деды жили, – отвечал Алексей.

– Но я один раз слышал, – сказал Ла, – что русские страшные. Всех ограбят. Любят воровать.

– Глупый вы народ! – сказал Позь.

«Правда, – подумал Алешка, – воров у нас много развелось». Но тут надо было своих хвалить и хвастаться.

– Конечно, наверно, вранье, – сказал он.

– А Бельды плохие! – воскликнул Ла. – По нашей речке ходили! Мы их побьем – домой вернемся, будем богатые, сильные. Жить хорошо можно будет!

– Не надо с братьями драться. Только хуже вам будет. Маньчжурские торгаши только от этого наживутся.

Но никто не хотел слушать его предупреждений.

– Маньчжуры нашего дела с Бельды не касаются!

Утром Позь и Бердышов забрали свежей юколы и пустились в путь на собаках. Толпа гольдов, стоя на берегу между зимниками и амбарами, занесенными снегом, долго смотрела им вслед.

Синие полосы стлались вокруг. Из мглы выступали низкие зимники с тяжелыми крышами в снегу.

«Эх и далеко до Шилки! – думал казак. – Что-то там сейчас?»

Давно Бердышов не был дома. Хотелось ему знать, что же делается на Шилке, в далеком родном Забайкалье.

Глава восьмая. Майма

– Араки би? – весело кричал, поворачивая угду кормой вперед, низкорослый косматый гольд, мокрый до пояса.

– Араки би-би... Иди сюда... – растянул человек на майме.

Одна за другой из тальников, затопленных разливом, вырывались на быстрину плоскодонные лодки мылкинцев. Гольды и гольдки, изо всех сил налегая на весла, спешили к торговому судну.

На майме слышался знакомый мылкинцам тонкий голос хозяина. Там спускали паруса, судно замедляло ход.

Могучее течение бурлило у бортов. Накрапывал дождик. Холодный, порывистый ветер всплескивал пенистые волны.

Ослабевшую майму подхватило течением и понесло к низкому берегу. Вершины затопленных тальников зашуршали о ее борта.

– Скорей, скорей! – кричал на рулевого хозяин.

Несколько плоскодонок, полных возбужденных гольдов, пристали к майме на ходу. Пренебрегая опасностью, гольды сильными ударами весел разгоняли лодки прямо на судно, ловко заворачивали их у самого борта и плыли вплотную подле маймы, цепляясь веслами и руками за ее несмоленную обшивку.

Река была в разливе. Мутные тучи вод мчались с верховьев, затопляя болотистые острова и низменности по левобережью.

Одна из сухих стариц выше озера Мылки превратилась в широкую многоводную протоку. По ней река врывалась в озеро, заливая прибрежные луга и чащу краснотала. К подводным пастбищам, в затопленные луга и кочкарники, шли на откорм косяки рыбы. Лов на новой протоке был в разгаре, когда мылкинцы заметили, что сверху плывет двухмачтовая майма.

– Ондинский хозяин едет! – радостно закричал дальнотзорный старик Локке, как только судно появилось из-за крутого мыса.

Наскоро были вытянуты сетки с добычей, и ватага лодок поплыла через затопленный тальниковый лес, напрямик к главному руслу.

Уже не первый день гольды посматривали вверх по течению: не плывет ли с товаром и водкой ондинский торговец, старый Гао Цзо, что-то запоздавший на этот раз. Еще осенью он распродал все свои товары и уехал домой, в Сан-Син.

Гао Цзо торговал в Онда, но мылкинцы, так же как и все жители окрестных стойбищ, были его постоянными покупателями, потому что старик давал товары в долг и ценил их дешевле, чем другие купцы, приезжавшие на озеро Пиван, что напротив Мылок, где летом, в гьяссу, устраивалась ярмарка. Из Онда – летом на лодках, а зимой на собаках – сыновья и работники Гао Цзо развозили товары по стойбищам, променивая их на пушнину, на калужий хрящ и раздавая в долг.

Сотни семей были в долгу у Гао Цзо, и все они полагали, что он добрей и почестней других торговцев, и охотно несли ему свои меха.

Покупать у Гао Цзо было выгодно, но небезопасно. Старик торговал незаконно, как утверждали маньчжуры из гьяссу.

Несмотря на их старания ограничить торговлю Гао Цзо, купец делал большие обороты. Впрочем, маньчжуры не запрещали старику торговать в отдаленных деревнях, получая за это богатые взятки.

Мылкинцы не видели старика всю зиму. Надо было теперь рассказать ему новости и заодно воспользоваться случаем хорошенько выпить.

Лодки окружили майму. Борта ее облепили головы гольдов в грибообразных конических берестяных шляпах.

Рабочие на майме, мягко бегая по грудам товаров, возились с соломенными полотнищами парусов. Хозяин стоял на корме, на возвышении, слабо и визгливо покрикивая на них. Это был пожилой, присадистый китаец, одетый в простую куртку из синей бумажной дабы и грязные ватные штаны.

Седокосая плоская голова его была откинута назад, в сутулые плечи, и казалось, что Гао Цзо всегда ежится, словно на спине за воротом у него тает ком снега или льдинка.

Старик щурил свои подслеповатые глаза так узко, что они казались закрытыми, и похоже было, что Гао Цзо спит на ходу.

– Здравствуй, хозяин! – перевалился в майму широкоплечий богатырь Локке и поклонился, обнажая рыжеволосую голову.

Локке выложил на палубу пару великолепных белых гусей и три красноклювых утки-чернухи...

– Здравствуй, здравствуй! – не подымая век, потряс головой торговец и махнул рукой. Мокрые гольды полезли через борта.

– Жирной рыбы тебе привезли, сазанов... осетров... – забрался в майму Денгура.

Мышкинский староста даже на рыбалке выглядел щеголем: грязный халат его, надетый на голое тело, сшит из голубого шелка, а в носу и в ушах Денгуры висят серебряные кольца. На макушке его лысой головы торчит засаленная шапочка.

Заискивающе улыбаясь, Денгура опустил перед торговцем на колено. Гольды поснимали берестяные шляпы и, прижимая кулаки к сердцу, стали кланяться.

Гао понимал, что им надо и зачем они привезли на майму осетров.

Он что-то пробормотал, обращаясь к сыновьям.

А-Люн – розовощекий подросток, любимец отца – проворно спрыгнул с тюков и откинул лежащую дверь. Двое старших сыновей – шустрые, рослые молодцы, одетые в дабовые куртки и в кожаные улы, – полезли под настил.

Между тем гольдки стали перебрасывать в майму разную рыбу. Сиги и толстолобы запрыгали, ударяясь о палубу и раздувая трубой рты...

Сыновья хозяина вытащили из люка ящик водки и отнесли его на корму, под камышовый навес. Хозяин присел на корточки и стал ощупывать крышку, отыскивая заклеенное отверстие. Китайчонок, ползая на коленях, отдирает с ящика синюю бумагу. Гольды, жаждущие угощения, с вождением смотрели на хозяина.

Пока Гао Цзо возился с ящиком, женщины и девушки перекидали через борт всю рыбу и отвалили от маймы.

– Отец, отец! Не забудь! – обращаясь к Локке, крикнула из лодки стройная девушка с русыми, расчесанными на пробор волосами. – Отец, кьякта мне возьми...

Это была Дюбака, дочь старого Локке.

Уже несколько раз толковала она отцу, что ей надо. У нее новый сиреневый халат. Ей хотелось бы расшить его по подолу тонкими медяшками а-чен – и морскими ракушками. А-чен – малютки-денежки – мать сняла со старой шубы, но кьякта – морские ракушки – достать можно было только у торговцев...

– Чего тебе? – спросил Локке.

– Ай-ай-ай, отец! Как не стыдно, уж забыл! Кьякта мне возьми. Смотри, ты обещал. Не забудь. Пьяный напьешься – опять все забудешь. Я сильно рассержусь.

Она оттолкнулась веслом от борта и погнала свою лодку, избегая лесин и коряг, мчавшихся по реке. Ветер трепал ее светлые волосы и короткий желтый халатик, расшитый птичками.

На халате девушки птички – души младенцев; это вышитые мечты о любви, о многих детях, о мальчиках и девочках, которых хотелось бы родить любимому.

– Ладно, ладно, возьму тебе ракушки! – прохрипел Локке, видя, что дочка уже сердится. Она нахмурила свои соболиные брови и делала какие-то знаки, разводя руками по подолу, а потом что-то показывала на пальцах. – Ладно, ладно... Скорей поезжай, а то тебя унесет. Тут плохое место. Майме-то ничего, а лодке плохо – закрутит.

Между тем протока, которую, судя по ее ширине, нетрудно было принять за главное русло, окончилась. Зеленеющие острова быстро уплывали назад.

По правому берегу чернели скалистые горбовины сопок. Река, огибая скалы, образовывала обширную излучину. Из-за быков рванул ветер. По реке, ударяясь друг о друга, побежали серые волны. Дождь вокруг как рукой сняло, и стало видно, что по лесистым вершинам сопок мчатся низкие рваные облака.

В разлив река достигала на этом месте двенадцати верст в ширину. Ветер гонял на просторе тяжелые волны.

– На протоку! На протоку! – орал Локке, обращаясь к дочери. Скорей...

– Раку-у-шек! – кричала отцу девушка.

Старший сын Гао Цзо, запуская черпачок в ящик с водкой, наливал маленькие фарфоровые чашечки и подносил их гольдам по очереди.

Денгура, с жадностью осушив десяток таких чашечек, опьянел: он глупо замотал своей дынеобразной головой и вдруг повалился замертво... Средний сын хозяина схватил его за ногу и при общем смехе оттащил волоком по мокрому настилу в проход между тюками.

Несмотря на холодный ветер, ханшин согрел мокрых гольдов и развязал им языки. Они наперебой принялись рассказывать новости.

Локке решил подразнить Гао Цзо. Старик знал, что маньчжурские торгаши и разбойники страшно боятся лоча. Он сказал, что зимой в Мылки приходил человек с желтой бородой.

– Лоча! – злобно пробормотал Гао Цзо. – Сколько лет, как войска богдыхана разбили их города и крепости, а они все шлятся...

– Никак не хотят забыть эту дорогу. Ой, лоча! – проговорил старший сын хозяина.

– Он пришел с верховьев Амгуни, – продолжал Локке, – перевалив туда через хребты, из царства Лоча, тем же путем, которым приходят русские купцы, торгующие железными топорами. А хорошие товары! А у этого какое хорошее ружье! Он направился в верховья, на ту реку, где течет русская вода. Та вода не такая, как маньчжурская желтая вода. Русская вода из холодных гор течет, прозрачная. По дороге хотел заехать в селение русских, из своей страны бежавших...

– Разбойник, – вскричал старший сын Гао, – знает, куда ехать! Это те люди, которые убежали из страны Лоча и живут на устье Черной реки.

– Говорил, хорошо бы всех маньчжуров гонять отсюда, – посмеивался могучий Локке.

Гао взвизгнул.

А Локке все посмеивался.

– Над всем смеется, – бывало, говорили про Локке гольды. – Умирать будет, а сам все равно смеяться может. Нрав лоча!

Мать у Локке была светловолосая ороchonка, но Локке знал, что одним из его предков был русский, живший очень давно в Мылках.

Гао Цзо усмехнулся. Еле слышно он заговорил. Он рассказывал гольдам разные торговые и политические новости. Все эти новости были выдумкой Гао. Старик полагал: чем грубее и страшнее выдумка, тем лучше она подействует на простых людей и тем легче будет торговать. Войска богдыхана, по его словам, убили сто тысяч мятежников и рыжих и сожгли пятьсот их кораблей. В верховьях Сунгари и на реке Нонни зимой было так много соболей, что теперь они упали в цене и сансинские купцы, отправляющие караваны мехов в столицу и в порты южного

Китай, берут их неохотно. В тайге поймали двух рыжих с крестами, которые продавали отравленную одежду. Носившие ее все умерли... Лоча, как слышно, тоже торгует отравленными вещами, от которых на теле начинаются гнойные язвы.

В Сан-Сине снаряжают войско на ста лодках, чтобы уничтожить хунхузов, живущих на Сунгари... Войско проплывет по реке, а палачи будут отрубать головы тем, кто торгует с рыжими или лоча, кто пускает их к себе в дома ночевать, продает юколу для их собак, и всем, кто хвалит их и их товары...

Тем временем майма, покачиваясь на волнах, поравнялась с широким ущельем на правом берегу реки. Там между сопок белело заливное озеро. За островами, полузатопленными разливом, виднелась загородка из жердей вокруг зимника с крышей из коры. Это и была гьяссу, где останавливались маньчжуры, приезжавшие летом.

Гао Цзо умолк, поглядывая на берег. У него затряслась запрокинутая голова, брови задержались судорожно; он злобно скривил рот и, неожиданно взвизгнув, плюнул через борт в стору гьяссу.

Гольды громко засмеялись. Все знали, что купец терпеть не может маньчжуров.

– Крысья нора! – потихоньку вымолвил китаец и в сердцах снова плюнул.

Только когда частокол скрылся за скалистым обрывом, Гао Цзо немного успокоился.

Мылкинцы стали просить его, пока не приехал Дыген, прислать в деревню лодку с товарами. Глядя на добрые лица гольдов, старик, казалось, вдруг расчувствовался и, смахнув с закрытых глаз навернувшиеся слезы, велел налить всем им еще по чашечке водки.

– Нам в Онда нельзя поехать, – пожаловался ему Локке. – У нас в тайге ссора была с Самарами, теперь война должна быть.

Веки старика слабо задрожали. На миг он приоткрыл их и оглядел своих гостей заблестевшими черными глазами. Казалось, он не мог сдержать внезапно охватившей его радости.

– Денгура нам драться велел, – подтвердил рыжий гольд и стал рассказывать про столкновение на Дюй-Бирани.

Гао Цзо вдруг опять закрыл глаза и ссутулился.

– Денгура говорит, что мы побьем Самаров, – продолжал Локке, – они виноваты. Говорит, когда побьем, возьмем с них выкуп... А я думаю: может, не надо драться? Какое мне дело до того, хотят или не хотят они давать Денгуре меха...

– Ой! Что ты! – вскричал Гао. – Они вас всех убьют! Высосут глаза у ваших женщин и у младенцев, съедят сердца! Драться надо!

Мылкинцы в страхе переглянулись.

– Неужели они такие? – удивился Локке.

– Я-то знаю их хорошо. Торгую в их деревне. Только по необходимости там живу! Рад бы уехать от них.

– Ну так пришли лодку.

– Как могу прислать лодку в Мылки? – пробормотал старик и постучал себя сухим кулачком в грудь. – Дыген плывет сзади, мы его майму в Буриэ перегнали... Он не сегодня-завтра на Пиване будет... Дыген едет – какая может быть торговля?

– Дыген едет? – вскочил на ноги Локке. – Ой-ой! – переглянулся он со своими сородичами. – Эй, староста! – Локке испуганно кинулся из-под навеса и стал тормошить мертвецки пьяного старосту. – Маньчжур Дыген едет!

– А? – очнулся наконец Денгура. – Дыген едет? – повторил он, еще не понимая значения этих слов, и, уставившись безумными глазами на Локке, присел на палубе, почесывая голую грудь.

Когда же смысл их дошел до него, старик проворно вскочил на ноги и в ужасе заметался по палубе.

Гольды кинулись к бортам и стали звать лодки, маячившие в отдалении. Все заспешили домой.

Дыген и был тот самый маньчжур, который построил гьяссу. Появившись впервые, он объявил, что приехал делать подарки от имени императора бедным людям, живущим в лесах.

Одному доставалась иголка, другому горсть крупы, третьему – зеркальце или бумажные туфли. Тут же Дыген требовал ответных подарков – по одному или по два соболя с человека. Дыген повадился в низовья. Он грабил и разорял гольдов, не имевших сил оказать ему сопротивление. Несколько подкупленных гольдов помогали ему. В их числе был Денгура из деревни Мылки. С его помощью маньчжуры заставили жителей Мылок построить на другой стороне реки ограду и зимник. Там они останавливались, но проникать дальше в низовья реки боялись. Гао Цзо ненавидел Дыгена. Сам Гао стал торговать на Амуре позже Дыгена. Маньчжур всячески теснил его и жаловался на Гао чиновникам в Маньчжурии.

Гао приходилось все терпеть и всем давать взятки, потому что он был китаец, а в Китае власть принадлежала маньчжурам. Они завоевали Китай двести лет тому назад. Сам богдыхан был маньчжур. И хотя маньчжуры почти все окитаились, но они презирали китайцев и зверски терзали простой китайский народ. Гао был ловкий купец. Он не унывал и выколачивал из гольдов и из своих китайцев-работников все, что уходило на взятки Дыгену и маньчжурским чиновникам, которым приходилось платить за то, чтобы ездить на Амур, так как в то время это строго запрещалось китайцам.

Во время родовой вражды Гао подговаривал гольдов требовать друг от друга выкуп – халаты и другие дорогие вещи, которые сам привозил и продавал в этих случаях втридорога. Он ссорил гольдов между собою, заставляя их входить в неоплатные долги, и в то же время притворялся их благодетелем.

...Лодки с женщинами быстро приближались. Первой подошла легкую угду дочь Локке, красавица Дюбака. Она вела на причале ветку старосты.

– Ракушки есть? – спросила она, когда отец перелезал через борт.

– Не-ету! – пьяно протянул Локке, мягко сваливаясь с маймы в угду. Он стал укладываться между мохнатыми собаками, поджимавшими зады и недоверчиво обнюхивавшими хозяина.

Лодка за лодкой приставали к майме. Гао Цзо ежился у борта, наблюдая, как его сыновья и работники спускают пьяных гольдов в пляшущие на волнах лодки.

– Это твоя дочка? – крикнул он Локке, заметив Дюбаку. – Твоя дочка?

Торговцы засмеялись. Гольдка стыдливо опустила голову, налегая изо всей силы на весла.

Сверху видны были лишь ее непокрытые русые волосы, расчесанные на пробор. Торговцы говорили про нее что-то нехорошее. Девушка чувствовала это, но не обижалась. В ее жизни встреча с чужеземцами была редкостью. Чаще всего эти люди ездили мимо летом. Сейчас, после долгой скучной весны, так хотелось увидеть новые лица. Она не могла оставаться безразличной под любопытными взорами. Сила, казалось, прибыла в ее руках, в движениях появилась легкость, ловкость. Она ожила.

Плотно сложив красивые ноги и вытянув их в лодке, она сильно и быстро работала веслами и улыбалась счастливо и смущенно, так что румяное лицо ее казалось еще круглей и туже.

– Красивая... – оживился Гао Цзо. – Я ее что-то не видел раньше. Смотри, не показывай Дыгену, поскорей выдавай замуж...

– Моя дочь! – заорал Локке, кидая на торговца злой, ревнивый взор. – До моей дочери никому дела нет! – И, схватив весло, он со зла, что она своей пригожестью привлекает слишком много взоров, шлепнул Дюбаку по спине...

На майме захохотали.

Торговцы вывалили в оморочку чуть живого Денгуру. Тот пришел в себя, отыскал под берестой в закрытом носу лодки шляпу, надел ее и, вооружившись веслом, уверенно направил оморочку вверх по течению.

Лодки отстали от судна, как выводок цыплят от бегущей клушки. Китайцы-рабочие подняли паруса, и майма, грузно покачиваясь, стала быстро удаляться. Сквозь плеск волн ветер доносил тонкие голоса торговцев.

Волны теснились, взбрызгивались, ударяясь друг о друга...

Холодный ветер раскачивал огромную мутно-глинистую воду...

Глава девятая. Железная рубашка

Тайга в весеннем цвету. Сквозь густую листву, как сквозь крышу, с силой пробиваются яркие лучи солнца и стоят косыми столбами между тучных стволов. Земля еще мокрая, хотя вода с нее схлынула. Вчера прошла буря с ливнем.

Ничтожными кажутся бредущие по лесу три человека. Над папоротниками видны лишь их головы в белых берестяных шляпах с наклеенными на них красными узорами.

Впереди идет Пыжу. За ним Ла вместе с Удогой несут на шесте убитого теленка сохатого.

Вдруг Пыжу приостановился, испуганно вскрикнул. Видно, как он побежал обратно, то исчезая в траве, то появляясь.

Жесткие, смуглые руки Ла приподнимают шест, Удога повторяет его движения, зверя кладут на землю.

– Отец! Отец! – подбегает Пыжу. Он со страхом озирается и показывает рукой вперед. Пыжу в коротеньком халате из синей дабы с узорами по расхлесту.

– Что там? – выкатывая глаза, тихо и яростно спрашивает старик Ла. Он хочет спросить: «Тигр? Медведь? Какое-то чудовище?»

– Убитый! Давно-давно убитый! Балана-балана...

– А-на-на! – успокаивающе восклицает отец.

– А-на-на! – как эхо повторяет Удога. Его высокий нос загорел. Желтый коротенький халат, расшитый красными и зелеными узорами, подвязан кожаным поясом.

Оставив тушу, все трое гуськом пошли по траве. На ногах у всех в эту жаркую пору коротенькие желтые улы из рыбьей кожи.

Среди поваленной, размытой травы виден затонувший в почве скелет человека. Он в ржавой кольчуге, как в дырявом железном мешке. Череп уткнулся в ил.

Старик Ла присаживается на корточки, поворачивает череп глазницами вверх.

– Амба-лоча! – испуганно восклицают сыновья. Они смотрят со страхом.

Старик протягивает руку и рвет кольчугу из проросшей сквозь кольца травы. Она вся в глинистых листьях и мокрых корнях. Старик сразу бросает ее. Вытаскивает из ила шлем.

– Железная рубашка... Железная рубашка... – бормочет он. – Был бы похоронен, лежал бы на спине. Давно-давно его убили. Душу его никто не отвел в мир мертвых. Может быть, душа его ходит где-нибудь здесь, – таинственно добавляет Ла.

Он оглядывает лес.

– Его душу давно поймали лесные черти и разорвали на клочья, если о ней никто не позаботился! – со знанием дела говорит младший сын.

– Может быть... – соглашается старик. – Пойдемте. Тут везде кости лоча разбросаны. Это такое место.

Старик поднимает тревожный взор к небу. Его глаза чисты и ясны.

– Боги неба и лесов! Дайте нам хорошую дорогу...

Охотники возвращаются к лосю, поднимают шест на плечи, идут дальше в том же порядке.

На берегу реки около шалаша горит костер. Старик Ла вылил из котла кипятка, вывернул куски мяса на широкий пласт бересты. Его сыновья выбирают вареные куски получше, захватывают зубами, проводя острыми ножами у самых губ, быстро отрезают ломти и жуют.

– Отец, расскажи, как раньше люди жили? – спрашивает Пыжу.

– Говорят, раньше люди были сильнее, жили лучше. А в тайге было больше зверей, – говорит старший сын Удога.

Сейчас все трое без шляп, головы Удоги и Ла выбриты до половины. Пыжу без косы, у него лохматая голова. У старика маленькая седая косичка.

– Да, зверей было больше. Но люди никогда не жили хорошо, – задумчиво отвечает Ла. – Людям всегда было мало...

– А старики говорят, что раньше лучше было, – твердит Удога.

– Зачем слушать стариков? Они говорят, что дождь был не такой, рыба была вкуснее, зверь людей не боялся. Зима была не такая! Нет, дети, люди всегда недружно жили. Сильный всегда бил слабого, бил и еще учил, как хорошо быть честным и слушаться. Слабых заставляли грести на лодках, а сильные на них кричали, сидя за рулем.

– А-на-на! – удивляется Пыжу.

– Сильные ленились нарубить дров, посылали слабых...

– А-на-на! – восклицает Пыжу.

– Замолчи, пожалуйста, – сердится на брата Удога.

– Кто глупей, тот хуже охотится. Глупых заставляли варить обед на охоте, чинить одежду, лыжи, снасти.

Пыжу хотел что-то возразить, но тут же получил от брата подзатыльник.

– Но сильные и храбрые тоже не были счастливы, – продолжает Ла.

Старик вываливает из котла новую порцию мяса, и все снова едят. Он берет, сосет кость, выбивает из нее мозг и быстро проглатывает. Потом разбивает кость топориком. Запивает варевом. Достает трубку из расхлеста халата, а из-за пояса замшевый мешочек с табаком. На пальце делает завертку из табачных листьев, вставляет и вдавливают в трубку. Высекает огонь и закуривает.

– Отец, расскажи, как тут убивали лоча? – просит Удога.

– Эта речка такая! Тут есть много ям от старых жилищ, – говорит Ла.

– Кто жил в этих ямах?

– Раньше жил народ Ха.

– А еще раньше?

– Никто не жил.

– А позже?

– А потом амба-лоча.

– Кто такие амба-лоча?

– Страшные люди. Но их истребляли, и они убивали. Тогда было такое время, когда все друг друга убивали. Целые народы истребляли друг друга.

– Амба-лоча – это лоча? – спрашивает Пыжу.

Ла и сам не мог бы толком на это ответить. Нет, это совсем другие существа.

– Вот у Локке в Мылках предки были амба-лоча. Я русского купца в тайге встретил. Он меня обманул. Я ударил его по роже и сказал: «У-у, амба-лоча!» – и он сразу испугался. Есть много сказок про амба-лоча.

Ла, посасывая трубку, откидывается.

– Лоча живут за горами. У многих из них светлые волосы, как высохшая осенняя трава. Говорят, что они все больше нас ростом, с высокими вздернутыми носами. Но ведь мы видали лоча зимой... Да, раньше здесь жили амба-лоча.

– А-на-на! – удивляется Удога.

Теперь Пыжу обернулся, насмешливо посмотрел на брата.

– У лоча звери живут при домах, как у нас собаки. Есть такой зверь, называется – корова. Лоча даже пьют ее молоко.

– А мясо едят? – спрашивает Удога.

– Да.

– Пьют молоко! – восклицает Пыжу. – А как они его получают?

– Они давят коровьи титьки.

– И не стыдно им? – изумляется Удога.

– Нет, не стыдно. Этим занимаются женщины.

– Я хотел бы посмотреть на корову, – серьезно говорит Удога.

– Хотел бы коровью титьку потрогать? – спрашивает брат.

Удога замахнулся на него, но тут же сам получил от Пыжу по затылку.

– У них, как и у маньчжур, есть лошади. Это звери с волосами для собольих ловушек. На лошадей залезают верхом и ездят, как на оленях.

– А почему и кто перебил тут так много лоча? И какая разница лоча или амба-лоча? Чем отличаются друг от друга?

– Лоча, как все люди, а амба-лоча – черти, страшные. Их нельзя было поймать. Я говорил тебе – они воевали и нападали. Шаман вызвал тучу со снегом, чтобы видны были следы... Упал снег, и тогда их догнали...

В мертвой тишине ночной тайги слышится какой-то крик. Все притихли. Только хотел Пыжу что-то сказать, как крик повторился.

– Это Ва-вух! – с суеверным ужасом говорит Ла. – Пыжу! Скорей вылей воду на костер. Когда летит черт Ва-вух, надо выплеснуть все, что варится. Огонь залить.

– Хорошо, что поели, – суетится Пыжу.

Парни бегут к реке, черпают воду берестяными ведрами, заливают костер и опять бегут за водой.

– Хватит, – шепчет старик, – Ва-вух похож на собачью голову. Дайте бубен.

Раздается тихий звон. Тишина. Новый удар бубна.

Вдруг шаманский пояс, который Ла надел в темноте, начинает светиться. Видно, как Ла, стоя на месте, пританцовывает, качая бедрами.

Всходит луна, торжественно засеребрился лес. Сыновья закрыли лица руками.

А утром, при ярком солнце, лодка Ла мчалась вниз по течению горной реки. Река вздулась от прошедших горих ливней. В корме, закрытая шкурой и зелеными ветвями, лежала освежеванная туша молодого лоса. Охотники в желтых рыбокожих рубашках и в коротких штанах. На носу лодки – Удога с шестом в руках. У него смуглые ноги, голые до колен, в кровавых расчесах. Пыжу на веслах. Отец с кормовым веслом. В лодке берестяные ведра, черпаки, острога, убитые утки, кожаные мешки.

Ла дремлет.

– Как ловко вчера отец вызвал луну. Как ты думаешь, почему отец не хочет стать большим шаманом?

– Поживей, поживей! – просыпаясь, бормочет отец, он отводит лодку от быстро надвигающегося на нее дерева. Кажется, он снова дремлет.

– Спит, а все видит, – говорит Пыжу.

– Эй, дураки, – в сердцах кричит Ла, – вы утопить все хотите? Хотите лодку разбить? Дураки, не мои дети, от проезжего торговца родились! – Он с силой налегает на весло.

Удога упирается шестом в скалу. Пыжу берет второй шест.

Лодка мчится быстрее, входит в узкое горло между скал. Вода грохочет. Лодку подкидывает на перекате и с силой бьет плоским дном об воду. Пронесаются скалы, завалы деревьев. Течение становится тише. Река расступается.

– Вот как хорошо проехали! – говорит отец. – Оба молодцы. – Он достает трубку. – Сразу видно, что мои дети!

– Эй, вон чьи-то следы! – испуганно замечает Пыжу, показывая на берег. Он всматривается.

– Где? – спрашивает Удога.

– Кто? – тревожится Ла.

– Вон, вон следы человека, – говорит Пыжу тише и таинственней.

Песчаный берег с кручей быстро проносится. Лодка огибает лысые обрывы лесистого мыса. Охотники хватаются за оружие. Это люди, привыкшие к вечным опасностям.

– Уй, какие страшные чужие следы! Узкие, длинные, – переводя дух, говорит Пыжу.

Лодка быстро пристает к обрыву. Ла и его сыновья прикрыты вместе с лодкой большой подмытой лесиной. Они выглядывают, стоя в лодке.

Потом Удога выскакивает и с луком в руке бежит по песчаной крутизне. Он пригибается.

И вдруг раздается зловеющий свист стрелы. Страшный предвестник смерти пронесся над ухом охотника.

Слышится крик, отчаянный, истошный крик на вершине холма, где-то там, откуда вылетела стрела, в зарослях кедра и елки, в молодом подлеске. Вот над кустами сверкнуло копьё. Со страшной силой, прыжками, Удога кидается вверх.

А брат уже успел обежать холм и чуть не зацепил стрелка своим копьём, когда тот целился в Удогу.

– Писотька! Лови его! – кричит Пыжу и вдается в чашу, туда, где трещат ветви и треск их удаляется под обрыв к речке.

Братья кидаются грудью на ветви, закрывая лицо согнутой рукой, а в другой – поднятой вверх каждый держит свое оружие.

Хлещут ветви грабов, листья ильмов, ломаются слабые ветви ольхи и не гнется усохшая пихта.

Враг бежит.

– Эй-эй! – ревет Пыжу. Какой страшный его рев. Это от злости.

Братья выбегают на берег реки, тут ее изгиб, а по завалу удирает Писотька. Он поворачивает какую-то лесину, раздается рокот, и лесной завал начинает разваливаться, грохотать. Писотька стреляет, но опять мимо.

– Теперь всех вас уьем! Не жди пощады! – кричит Пыжу.

Стреляет Удога, и Писотька исчезает в завале. А бревна раскатываются, вода зелеными водопадами прорывается среди мертвых белых деревьев, поворачивает и крутит их корневища, как белые колеса. Писотька, кажется, погиб... Но нет, из-за реки опять летит с воем и свистом стрела и втыкается в пенёк.

Писотька цел, жив и стреляет.

– Тебя уьем! – кричат братья.

– Мы переьем всех Самаров! – кричит спрятавшийся на другом берегу враг.

Удога выдернул его стрелу. Хороший наконечник, из железа.

Ла подъехал.

– Надо его лодку искать и забрать! – кричит он. – Пойдемте...

– Эй, мы твою лодку забираем! – кричит Пыжу.

По следам недолго искали. Нашлась маленькая оморочка из старых почерневших полотнищ бересты. Спрятана в кустах. Писотька отходил от нее по воде, потом вышел на песок. В оморочке нашлась хорошая острога.

– Это пригодится! – сказал Удога. – Забираем по закону, за то, что он в нас стрелял.

Самары осторожно побрели с оружием в руках. Пыжу вернулся, распорол старую оморочку ножом и толкнул ее в воду. Бросил в нее большой камень. Пусть тонет. И догнал своих.

– Самары самый крепкий, самый умный и смелый род, – учил отец сыновей, когда лодка пошла вниз, – все меняется и забывается. Своих детей учите, чему я вас учу. А то найдутся дураки, которые когда-нибудь скажут, что Самары были покорные, никогда не дрались и себя не защищали. Нет, если мы покорялись, то только для того, чтобы обмануть врагов.

– Так все люди, отец? Правда? – спрашивал Удога. – Ведь никто и никогда не хочет быть побежденным.

– Это правда. Все хотят быть победителями. Но особенно Самары. Это нам привычно. Ваш прадедушка... – Ла начал один из длинных рассказов.

– А вот я слышал, – перебил Пыжу, – что лучшая победа бывает тогда, когда нет побежденных!

– Дурак! Ты слушай, что отец говорит. Будь вежлив со старшими!

А Удога думал, что стрела пролетела около самого его уха. Он мог бы погибнуть. Да, конечно, Самары самые храбрые. Отец прав!

Глава десятая. Дыген

...В тот год католической духовной миссией в Пекине, с ведома двора богдыхана, был послан на Амур французский миссионер Пьер Ренье. Для китайского двора он должен был составить географическое описание берегов великой реки; миссия поручала ему ознакомиться с местными племенами, обитающими в ее низовьях, с их обычаями, верованиями, общественным устройством, стараться обратить хотя бы некоторых из них в христианство.

Пьер Ренье, молодой энергичный иезуит, полный сил и здоровья, года три тому назад приехавший в Китай из Европы. Он владел китайским и маньчжурским языками, был честолюбив и ехал на Амур с уверенностью, что откроет этот край и положит начало его захвату.

Перед отъездом из Пекина миссионер подробно расспрашивал маньчжурских мандаринов о низовьях Амура, но узнал мало нового. Те сами ничего не знали про Амур. Это была далекая, чужая им страна, холодная, расположенная где-то на севере. Закон запрещал путешествия частных лиц в те неведомые громадные земли, лежащие между страной маньчжуров и страной русских.

Зимой по прибытии каравана в Гири Ренье кинулся на поиски католического проповедника де Брельи. Оказалось, что он, как сказал его слуга, год тому назад отправился в путешествие на какую-то легендарную реку – приток Амура. Из Гирина по весеннему пути Ренье проследовал в Сан-Син, откуда должно было начаться его плавание по рекам. Там он встретился с викарием Маньчжурии, прибывшим из глубины провинции повидать Ренье и помочь ему снарядиться.

Викарий радушно отнесся к молодому иезуиту. Он дал Ренье много полезных наставлений и сообщил все, что сам слышал об Амуре. Он советовал достигнуть морского побережья и воочию убедиться в истинном положении вещей.

Ренье запасся в дорогу китайской бязью, дабой и безделушками, ибо, как утверждал викарий, в отдаленных областях, граничащих с Маньчжурией, не знают цены деньгам, торговля там происходит на обмен.

– Вряд ли удастся вам купить лодку или нанять проводников за деньги, – говорил ему старик, – но за конец простой дабы туземцы способны исполнить самые опасные предприятия...

Между сборами миссионеры посещали ямынь сан-синского губернатора. Маньчжур с почетом принимал их. При первой встрече Ренье передал губернатору письменные поручения императорского двора, и маньчжур пообещал отправить его в низовья. Он сказал, что весной туда поедет Дыген, один из маньчжурских дворян.

В глинобитном ямыне губернатора Ренье познакомился с Дыгеном. Это был весьма невзрачный, рябоватый, кривой маньчжур с редкими рыжими усами и с темной косой. Глаза его, кажется, были светлы или, может быть, бельмо на одном придавало голубизну обоим. Но Ренье и прежде часто видел маньчжур с белокурыми усами, со светло-русой головой. Они держались с важностью, всегда подчеркивая перед китайцами свое положение и превосходство. Считалось, что это народ умный и образованный. Нередко попадались маньчжуры очень высокого роста. Трудно было определить возраст Дыгена, но, по-видимому, ему было лет за тридцать.

Ренье, презиравший самого губернатора и всю его свиту, считал Дыгена совершенным ничтожеством, но обходился с ним любезно, помня о совместном путешествии. Он был уверен, что маньчжур, зная о поручении двора, будет покорно исполнять в дороге все его требования.

Когда на Сунгари прошел лед, Дыген начал снаряжать свою сямпунку. Более двух недель заняла оснастка и загрузка судна. На прощание викарий советовал Ренье не доверять маньчжурам; он сказал, что путешествие Дыгена может быть нечистым делом, набег на независимые области. Он еще раз посоветовал миссионеру побольше общаться с простым народом и соби-

рать необходимые сведения через местное население, путешествуя в низовьях на рыбацкой лодке, независимо от маньчжур.

– Христианин Талынь будет вам незаменимым помощником, – благословил викарий маленького маньчжура, сопровождавшего Пьера.

Пасмурным майским утром Ренье распростился с гостеприимным амбанем и со стариком викарием, и неуклюжее судно при попутном ветре, подняв соломенный парус и выпустив из бортов ряды весел, отвалило от базарной пристани. Маньчжуры и католический миссионер пустились в далекий путь.

Город с гнутыми крышами богатых домов и с грязным берегом, застроенным лачугами, быстро поплыл назад. Сампунка оказалась весьма ходким судном; под парусами и по течению она мчалась со скоростью современного парового корабля. Вскоре Сан-Син скрылся за мысом.

Пейзаж становился суровее. Небо хмурилось, и река темнела все более и более...

Теплый южный ветер раскачивал тальники на берегах.

Ренье долго еще смотрел туда, где в туманной мути дождя исчезли последние строения.

«Да, теперь я один, один надолго. О! Я узнаю, как грандиозна эта таинственная река северной Азии!»

Но, глядя на мутные, пенистые волны, теснившиеся вокруг судна, Пьер вдруг подумал, что обратный путь против течения будет труден... Каких усилий будет стоить каждый его фут! Ренье готов был к любым испытаниям. Проникнуть в низовья, описать неведомый Амур, на котором, кроме казаков и маньчжуров, давно уже не был никто, открыть путь в новый край иезуитам и соотечественникам – это стоило лишений.

Ветер крепчал. Под дальним берегом пошли барашки. По темным волнам лениво поползали тенета желтовато-белой пены...

На севере, куда лежал путь Пьера, над плоскими хребтами высоко в небе синели бородастые от ливней тучи...

Ренье, держась за борта цепкими руками, с удовольствием ощущал движение корабля в страну, открытие которой принесет ему славу.

Глава одиннадцатая. Стойбище Бурiez

Близ устья Уссури судно пристало к небольшому гольдскому селению.

Реньe поднялся на высокие прибрежные холмы, желая осмотреть огромную площадь вод.

Над вершинами цветущих лип и дубов, росших по склону, виднелась огромная, как море, излучина, в которой сливались обе реки. Вдали зеленели острова, а еще дальше тянулся голубой, словно прозрачный, хребет.

Внизу, на этой огромной водяной площади, одиноко стояла сампунка с голой мачтой, на которой, как гусеница, улегся свернутый соломенный парус.

От сампунки отошли две лодки. Реньe посмотрел в трубу. Дыген куда-то поехал.

Когда миссионер спустился вниз, толстый маленький Сибун – помощник Дыгена, оставшийся на сампунке, – объяснил, что его хозяин должен прогнать хунхузов, появившихся поблизости.

Пользуясь случаем, Реньe познакомился с гольдами из селения и проводил время в их юртах. Между прочим, они рассказали ему, что в соседнюю деревушку приехал человек с седой косой и острым носом. Вместе с ним ездят двое работников, один из них болен цингой. Старик уговаривает народ молиться железному божку, у которого руки прибиты к кресту.

Нетрудно было догадаться, что это не кто иной, как де Брельи, спустившийся по Уссури до устья. Реньe весьма обрадовался этим известиям и послал гольдов за длинноносым человеком.

Под вечер они вернулись в сопровождении де Брельи. Миссионеры бросились в объятия друг другу...

Де Брельи был высокий худой старик с узким землистым лицом, полуседой косой и с карими глазами навывкате.

Расположившись в гольдском доме, европейцы беседовали далеко за полночь. Де Брельи согласился сопровождать Реньe в низовья. Лучшего Пьер не мог и желать.

Дни проходили, а Дыген не возвращался.

Миссионеры проводили время в беседах с гольдами. Однажды те пожаловались, что в Фурмэ – ближайшей деревне – Дыген безобразничает, хватает женщин и девушек. Одному старику маньчжуры отрубили голову.

Де Брельи, услышав, что совершена казнь, весьма обрадовался.

– Удобный повод для проповеди! – воскликнул он торжественно. Миссионеры отправились в деревню Фурмэ.

– Однажды за казненного китайца-христианина, – рассказывал де Брельи, – я заставил казнить четырех китайцев-язычников.

Старый миссионер с горбатым носом, как большая птица, насупившись, сидел на корме и со злорадством говорил об этом.

– Только так и научишь их уважать христиан! – бормотал старик.

На берегу протоки, у подножия крутого, высокого хребта, покрытого роскошным лиственным лесом, стояли две жалкие хибарки. Это и была деревня Фурмэ.

Первое, что увидели миссионеры, выйдя из лодки, был полузакрытый соломенной циновкой безголовый труп гольда, валявшийся на прибрежном песке. Его голова была подвешена в клетке за косу к окровавленной талине.

Как только из жилищ вышли гольды, де Брельи сразу же зарыдал над трупом. Вдруг, выпрямившись, как палка, он крупными шагами двинулся на своих длинных ногах в зимник.

Дыген с оравой подвыпивших маньчжуров расположился на канах.

Появление огромного тощего старика произвело на маньчжуров сильнейшее впечатление. Дыген смутился, его плоская голова задрожала, и он в недоумении заморгал своим единственным глазом.

Де Брельи держался властно, но, разговаривая с Дыгеном, был вежлив. Обеспокоенный Дыген уехал в тот же день из деревни.

После его отъезда гольды со слезами на глазах рассказывали миссионерам, что еще в прошлом году близ их деревни какой-то человек с Уссури стрелял в маньчжурских грабителей. И вот Дыген, явившись в деревню, объявил, что он и его спутники будут жить в домах до тех пор, пока не будет найден тот, кто стрелял. Гольды были удручены. Они добывали для маньчжуров рыбу и мясо, но виноватого не нашли. Тогда Дыген придрался к одному из стариков.

– Убили вашего за непокорство, – объяснил он. – Смотрите, чтобы около вашей деревни больше никого не грабили и не убивали.

Де Брельи плакал так, что все гольды видели, как льются слезы. Он истово молился над трупом казненного, объяснив гольдам, что просит у Всевышнего счастливой жизни его душе. Старик тянул к небу костлявые белые руки. Тут же он стал рассказывать гольдам о боге и о христианской религии. Те были растроганы и плакали, а некоторые из них сразу согласились креститься.

– Вы, верно, лоча? – говорили они.

Де Брельи гневно оглядел гольдов.

– Нет, мы не лоча, мы посланцы истинного бога. Слушайте нас во всем – и будете счастливы!

Миссионеры провели в беседах с гольдами весь день. Де Брельи научил их креститься и преподавал основы поведения христианина.

Старик подарил новообращенным по медному крестик с надписью: «Подарок миссии».

– Когда русские шаманы крестят, – говорили между собой гольды, которые слыхали это от людей, побывавших за горами у русских, – то дают крест и новую рубаху. А эти почему-то рубахи не дают. Только крестик!

– А товары у них хорошие, – рассказывали гребцы, которые привезли миссионеров из Буриэ.

– Почему нам не дали? – удивлялись гольды.

Возвратившись на сампунку, Ренье объявил Дыгену, что берет с собой в путешествие к устью реки высокого старика. Де Брельи с подобающей такому случаю церемонией был представлен маньчжуре, и тот на все любезно согласился. Дыген стал пространно объяснять миссионерам, что здешние жители поголовно разбойники и что их приходится держать в строгости.

– Они всегда говорят неправду. Опасно ездить сюда – могут убить. Они напрасно жалуются, что мы их обижаем. Этому не следует верить. Мы только защищаем их от опасностей. Ездим сюда, чтобы защищать их! Здесь бывают китайские хунхузы.

– Да, да, я вижу, что они разбойники! – воскликнул де Брельи как бы с неподдельным гневом.

На другой день к деревне пристали две небольшие лодки. Хозяева их торгаши – тоже отправлялись в Мылки, куда держал путь Дыген.

Путешествие в неразграниченные земли было делом незаконным, поэтому купцы могли проникать в низовья реки, лишь давая взятки тем, кто охранял границы. Купцы жаловались миссионерам, что чиновники не имеют совести и обдирают их.

Вечером сампунка тронулась дальше. Плыли всю ночь. Маньчжуры держали наготове оружие. Работники усиленно гребли.

На рассвете путешественники увидели – Амур разбился на протоки. Одной из них прошли сампунка и лодки торгашей. Видно было, как за островами, далеко-далеко, что-то курилось – не то утренний туман, не то дымки.

– У-у! Там русских много-много! – грозил пальцем по направлению дымков, говорил толстый Сибун, – наверно, пять или шесть русских там живут. Убежали от своих и тут женились! Не хотят никому ничего платить! У них ружья бьют далеко!

– Как же вы терпите такие преступления? – спросил Ренье, слышавший этот разговор. – Давно надо бы отрубить им головы.

Маньчжуры смутились и умолкли.

– Я слышал, что на Амуре живут русские, – сказал он Дыгену за обедом. – Надо потребовать, чтобы вмешались военные власти. Просить амбаня.

– Амбань уже посылал солдат, – ответил пьяный Дыген, – чтобы схватить этих дурных русских.

– Ну и что же?

– Они почему-то не послушались! – ответил Дыген уклончиво и вдруг с неприязнью, искося и остро, глянул на Ренье. – У-у, ты не знаешь, что это за народ. Уй-уй-уй! – с обидой пожаловался он.

Весть о русских и об их влиянии на Амуре приводила миссионера в дурное настроение. Красоты девственной природы, чистейший воздух, яркие краски весенних лесов и собственное здоровье теперь уж не радовали его так, как в начале путешествия.

Глава двенадцатая. Миссионеры

Черемуха цвела над кремнистыми обрывами правобережья, когда сампунка Дыгена подплывала к Мылкам.

Чуть светало. Китаец, стоявший на носу сампунки и меривший шестом в продолжение ночи глубину, пропел рулевому, что вдали чернеет мыс Вагрон, а под ним дома Экки – последнего стойбища...

На заре ветер ослаб, и квадратные паруса бессильно заполоскались. Китайцы-рабочие взялись за длинные весла.

На корме дымился очаг. Старик повар готовил завтрак своему господину.

Ренье и де Брельи сидели в это утро подле своего тростникового шалаша на возвышении, укрытом сохатыными шкурами, и беседовали, любуясь пейзажем.

Утро было прохладное. Судно плыло в тени прибрежных скал. Где-то за горами вставало солнце. За широкой излучиной реки, над дальним берегом, ярко розовели две округлые невысокие сопочки.

Вода, отражая зарю, принимала неповторимый нежно-голубой цвет.

– Я недоволен Дыгеном. Он не отвечает толком ни на один вопрос, когда речь заходит об этом крае, – с досадой говорил Пьер. – То он чинит тут расправу, то сам боится горсти бродяг и охотников. А рассказать толком ничего не хочет. Даже не отвечает на вопросы.

– Он боится, что, разведав все о жизни в этой стране, вы будете знать слишком много и о его проделках, а возвратясь в Пекин, предадите все преступления огласке, – со старческим смешком молвил де Брельи. – Это может быть одинаково опасно и для него, и для сан-синских чиновников, которые смотрят сквозь пальцы на его проделки и получают в этих грабежах свою толику.

– За дорогу я немало помучился с этим дикарем. Стоило только нашей сампунке отвалить от сан-синского берега, как Дыген стал сам не свой, напустил на себя важность.

– Маньчжуры в душе должны быть очень недовольны вашим путешествием. Этот Дыген – продувная бестия; от него, мне кажется, всего можно ожидать. Он, верно, сам не знает, что следует говорить вам. Викарий не зря советовал вам избегать маньчжуров. Кстати, отчего заболел ваш обращенный спутник? И где вы оставили его?

– Талинь? Он чем-то отравился... Я оставил его в Лаха-Сусу, где у него живет дядя-торговец. Почему вы спрашиваете об этом? Неужели вы думаете...

– Все может быть, – кивнул старик головой и замолк.

На лесистом гребне горы вспыхнуло солнце. Лес побагровел от лучей, пробивавшихся сквозь листву. Вода на быстрине словно ожила, заиграла яркими красками. Лишь утесы мрачно громоздились над рекой, бросая тень на прибрежные водовороты. Зубчатые обломки каменных пластов, как дольмены, торчали под прибрежным скатом, там, где обрыв его отступил от воды, образуя отмель.

– Какой суровый, дикий берег! Какая великая река! – вымолвил старик.

– Суровый, но богатый край, – воскликнул Ренье. – Да, да, какое богатство, какие возможности! В беседе со мной пекинские вельможи просили о географических исследованиях. Теперь я утверждаюсь в мнении, что богдыхан и мандарины сами ничего не знают толком о низовьях Амура. Чем ниже спускаемся, тем очевидней, что край не принадлежит Китаю. Маньчжуры приходят сюда как в чужую страну. Нет, нам надо скорей действовать. Опасность может прийти с севера.

Де Брельи, как птица клюв, быстро повернул свое узкое лицо и поглядел на север.

– Недалеко отсюда русская граница. Кроме того, – продолжал Пьер, – и англичане действуют все энергичней, тоже интересуются Амуром.

– То, что мы узнали с вами про русских, для меня не новость. Тунгусские племена всегда тяготели к русским, – сказал старик. – Нынче зимой в Гири́н приводили пойманных русских.

– Наши проповеди могут отвратить туземцев от их влияния, – горячо заговорил Пьер. – Я уже все обдумал. Возвратясь в Пекин, я добьюсь посылки в эти края отряда. Если же пустить в ход остроумные выдумки, русское правительство сюда не сунется. В Петербурге всегда верят иностранным источникам. В Пекине говорят, будто бы на устье Амура есть китайские крепости. Отцы-миссионеры очень удачно подхватили и распространили этот слух! Он дошел до Европы. Нам следует подтвердить такие слухи. Европе надо доказать, что край принадлежит Китаю, в Китае действовать наоборот.

– Смотрите, мой друг, – показал рукой де Брельи, – мы уже подплываем...

Слева за островами курились дымки. Судно, огибая скалистый мыс, направлялось к бухте, в глубине которой из-за деревьев появилась рогатая крыша.

Вдали, на огромной поверхности реки, виднелось множество рыбацких лодок – они плыли изогнутыми рядами в разных направлениях. По временам до слуха плывущих на сампунке явственно доносились сильные и частые всплески. Тогда гольды начинали стучать о борта лодок большими деревянными молотками.

Ренье разглядел в подзорную трубу, что гольды ловят каких-то громадных рыб. Однако подробностей лова ему не удалось рассмотреть. При виде сампунки гольды выбрали сетки, и вся огромная флотилия их лодок стала уходить.

Из-под навеса, устроенного посреди судна, вылез рыжеусый, рябой Дыген. С ним были толстяк Сибун и другой, главный его помощник – высокий, остроглазый старик Тырс, отличавшийся крайней свирепостью. Дыген был в шелковой юбке, в куртке, застегнутой на медные пуговицы, и в широкополой конической шляпе.

– Наш хозяин большой модник, – с едкой насмешкой сказал де Брельи и пожевал морщинистыми губами. – Впрочем, уроды всегда рядятся...

Де Брельи много лет жил среди маньчжуров и китайцев и ненавидел их, втайне завидуя им. Он представлял, какую деятельность может развить тут церковь и как можно разбогатеть, если в Маньчжурии будет колония католической державы.

Пьер заметил, что когда дело касается маньчжуров, его спутник злословит.

«Де Брельи сам тут оманьчжурился», – думал он.

Пьер чувствовал, что у этого известного в Европе миссионера есть и другая сторона жизни, быть может, для него гораздо более значительная, чем деятельность проповедника, но совершенно неизвестная там... Маньчжуры – это его сфера. Он сам – фракция маньчжурской жизни со всеми ее странностями.

Скалистый берег расступился, и в широких каменных воротах открылся вид на озеро, далеко ушедшее в глубь распадка между пологих гор, иссиня-зеленых от кедровых и еловых лесов.

Вход в озеро был прикрыт полузатопленным островом. Из-под спадавшей воды появились стволы ветел, покрытые слоем глины, и голые тальники.

Сампунка вошла в тихую протоку и поплыла ее изгибами вдоль красного глинистого бока горы, исполосованного следами наводнения. Поверх обрыва над протокой курчавилась буйная поросль дубняка, орешника, кленов. Повсюду белели душистые ветви черемухи. Некоторые деревья были подмыты наводнением и клонились к воде. Цветущие ветви их свисали к головам путешественников.

Протока, изгибаясь и расширяясь, образовывала бухточку. Берег понижался, и на опушке орешника стала видна черная городьба из заостренных листовенничных бревен. Дальше виднелось бедное стойбище гольдов – несколько жалких лачуг с крышами из травы.

– Мылки? – спросил Ренье коротконого толстяка Сибуна, показывая на ограду.

– Нет, это гьяссу. Мылки вон там, – кивнул толстяк за реку, где на другой стороне из-за леса поднимались дымки.

Сибун хитро щурил глаза. Гольды в цветных шляпах с криками выбегали на берег. Худоллицей Денгура подгонял их. Сампунку подтянули к берегу, и Дыген по доске сошел на берег. Он шел, с важностью выпятив живот, в сопровождении маньчжуров. Тырс разглаживал белокурые длинные усы.

Ренье и де Брельи спустились следом.

– И не подумай, что он дрожал от страха, проезжая мимо селения беглых русских, – ворчал де Брельи. – А тут, среди дикарей, суший конкистадор! Сколько достоинства и отваги!

Солнце жарко палило. Влажная земля дышала душистым паром. Воздух был насыщен запахами свежей травы. Буйный луг раскинулся над чертой разлива. Травы достигали груди де Брельи, а низкорослого Дыгена укрывали с головой.

Тропинка в траве была протоптана недавно, и Ренье решил про себя, что, вероятно, всю весну гьяссу пустовала.

Внутренний вид становища произвел на миссионеров впечатление запущенности – действительно никто не зимовал в гьяссу. Шалаши из корья были разрушены непогодой, а соломенная крыша на зимнике сгнила и провалилась.

«Итак, мы близки к цели», – с гордостью подумал Ренье, обводя взором лица гольдов, думы костров, дикие хребты и широкое пустынное озеро.

* * *

За делами Дыген повеселел. Он стал разговорчивее, ежедневно приглашал Ренье и де Брельи обедать и каждый вечер уговаривал их спать у себя в берестяном летнике. Только взор его, настороженный и подозрительный, несколько беспокоил Пьера.

Ярмарка еще не началась, хотя тоговля уже шла. Маньчжуры привезли с собой разные материи и безделушки в надежде выгодно сменять их на меха. В гьяссу процветали азартные игры.

К полудню, когда начиналась жара, мелкое озеро, окруженное лесами и сопками, прогревалось насквозь и парило. Речной сквозняк не достигал гьяссу, и там целыми днями стояла тишина и одуряющий влажный зной. Стал появляться гнус...

Однажды за обедом, заметивши, как Ренье раздраженно отгоняет от себя мошкар, Дыген приказал позвать Денгуру и тут же велел ему починить для гостей старую гольдскую зимнюю лачугу, оставшуюся в гьяссу от былых времен, приставить к ним в услужение кого-нибудь из гольдов и держать подле их жилья день и ночь дымокуры.

Ренье, за разговором, сидя на пеньке, открыл свой альбом и живо срисовал Денгуру. Гольд этому весьма удивился, тем более что на бумаге изображены были и носовые украшения, и трубка, и лубяная коробка с табаком, торчавшая из-за пазухи, из-за расшитого цветными лентами расхлеста халата, и корявые, грязные пальцы с серебряными и каменными кольцами. «Ты какой длинноносый, все подметил, ничего не упустил», – подумал Денгура и с тех пор стал относиться к Пьеру с особенным уважением.

Втайне гольд объяснил его умение рисовать сверхъестественной силой. Пьер, зная, что так думают дикари, пользовался этим по совету старших, опытных миссионеров.

– У тебя зоркий взгляд. Ты, наверно, ел когда-нибудь глаза ястреба? – однажды спросил его Денгура.

Гольды, жившие подле гьяссу в шалашах, каждое утро уплывали ловить калуг. Чтобы отгонять мошку, они на лодках разжигали в горшках дымокуры. Денгура тоже иногда отправлялся на лодке рыбачить и брал с собой на реку Ренье. Иезуит решил внушить гольдам суеверный страх и уважение к себе. Сидя в лодке, он набросал рисунок: плывут дымящиеся лодки,

играет стая калуг... Рисунок был полон движения: некоторые рыбы нарисованы под лодками, река представлена как бы в разрезе. Денгура увидел рисунок и остолбенел.

– Больше рыбу ловить с тобой не поеду, – решительно отрубил он. – Ты видишь, что делается под водой. Му-Амбани утащит нас с тобой на дно за такое дело...

Глава тринадцатая. Насмешливый сосед на берестянке

День тихий, солнечный. Блестит и плещется встревоженная рыбаками вода. Мокрые гольды, стоя в реке по колено, тянут на отмель невод. На обоих берегах протоки белоснежные отмели, а за ними, на далеких белых обвалах песков, оплетенных корнями, полосками зеленеют заросли ветел и кустарников.

– Скорей, скорей! – сердится на сородичей Ла.

Как старику не волноваться: сазаны то и дело выскакивают из невода.

Всплеск... Сазан прыгнул, открыл рот, растопырил плавники, как птица крылья, и бултыхнулся в воду, но тут же снова стремительно взлетел, низкой длинной дугой перемахнул через полавки, опять заплескался и пошел скакать дальше по протоке.

– Рад, что убежал, да боится, как бы опять не попасть! – кричит седой и краснолицый дед Падека. – Как напугался, теперь целый день, что ли, скакать будешь...

«Вот рыбу ловить приходится, – думает Удога, перебирая тугую веревку. – Все время надо отца слушаться. Сейчас бы не рыбу ловить хотелось, а ехать в гьяссу. Вот туда надо! Конечно! Там очень много людей съезжается. Я бы обязательно ее встретил! Наверно, девушки ходят. Все, наверно, разряженные, и, уж конечно, парней много. Как отец этого не понимает!» Удога сам бы поехал. Но ехать в гьяссу надо не с пустыми руками, а соболя у отца... Удогу зло разбирает... «Что он мне каких-то невест хочет искать! Зачем мне невесты? Мне с ними сказать слово не о чем, а с ней мы так хорошо поговорили, она сказала: „Помоги мне“, – и потом смеялась, как будто знакома со мной...»

Удога замечтался, глядя вверх по реке, туда, где пятном среди воды виден остров с заветной мелью. Сердце трепещет, когда мимо этой мели едешь. Так ясно представляется, как ей лодку помог сдвинуть. Вообще эта мель около шаманского острова кажется Удоге с прошлой осени самым прекрасным местом на свете. С охоты вернувшись, сразу на эту мель съездил, посмотрел, не смыло ли ее... Или, может быть, песку нанесло и теперь там целый остров... Нет, все по-прежнему было, только ее лодки нет... Мель есть, а ее нет... Очень грустно от этого на душе у Удоги. «Как мне с ней встретиться, где ее найти?» – думает он.

– Проклятье! – воскликнул Ла и стал стучать ребром ладони по тяговой веревке, чтобы вся снасть сотрясалась и пугала рыбу. – Черт его знает, какой сазан стал смелый, ничего не боится, – удивлялся старик.

Рыбы, как встревоженные тетерева из травы, то и дело вылетали из-под тетивы невода и разбегались по воде во все стороны.

Ла озлился и, оросив веревку, стал хватать мелкую гальку и горстями швырять ее в невод.

– А ты, дурак, чего задумался?! – заорал Ла на Удогу и в сердцах хватил его кулаком по затылку. – Живей тяни веревку! Скорей, скорей! Это какая рыбалка! Все рыбы убегут... Эй, Пыжу, чего зеваешь? Вот подбегу ударю тебя по морде, – грозил он младшему сыну.

Удога спохватился, заработал быстрее. Рыбы заплескались и запрыгали еще чаще. Удога забежал в воду по пояс и стал закрывать их сверху сеткой. Гольды хватали рыб за хвосты. Мальчишки живо подвели две лодки, и жирные сазаны один за другим заплюхались об их дощатые днища.

– Это еще ничего, все же добыли рыбы, – рассуждал Ла после рыбалки.

Он сидел на корточках под песчаным обвалом в кругу отдыхающих сородичей и, привалясь к мягкому стволу ветлы, покуривал медную ганзу. Это был моложавый, горбоносый старик, крепыш, небольшого роста, с широким лбом и скулами, но с узким острым подбородком. У него широкая костлявая грудь и лицо темное и морщинистое, как дикий таежный плод, прихваченный морозом.

– А я сначала испугался, думал: не Мукка ли амбани забрался в невод и пугает нашу рыбу?

– У-у, я один раз видел, как черт был в неводе, ух как гонял рыбу! – сказал дед Падека, курносый старик с кривой шеей, изуродованной зверем.

– Разве сазан по этому времени добыча! Хорошей рыбы, что ли, нельзя поймать? – зата- раторил дед Падека. – Теперь бы калугу ловить... Люди-то плывут за калугой, а мы в деревне сидим... Что про нас скажут? Лучше сига да амуре не поймали ничего. Во-он опять кто-то вверх поехал, – кивнул он на отдаленную лодку, ярко блестевшую на утреннем солнце мо- крыми веслами. Люди-то не по-нашему живут.

...Недавно по стойбищам пронесся слух, что калуга ныне мечет икру под Мылками на широкой излуине и что ее там играет великое множество. Лов этой крупной и вкусной рыбы – любимое занятие амурских жителей. Вот уже несколько дней, как мимо Онда с утра до ночи плыли рыбаки с низовьев, держа путь на Мылки. Но ондинцы не решались туда поехать.

А вдали на реке нет-нет да и блеснет, отражая солнце, весло-другое... Так как белые огни вспыхивают, как будто кто-то играет двумя зеркалами, и саму лодку не видно – так ярко горит и слепит река, «Не может быть, чтобы нельзя было отца уговорить, – думает Удога. – А вот я нарочно буду все по-своему делать. Если не послушается, тогда как хочет, один убегу...»

– Да-а... Ну вот, слушайте, я рассказывать буду... – вдруг заговорил дед Падека. – Кизи- то мы осенью переплыли, лодки бросили, мыс перешли пешком...

Старик давно намеревался поведать сородичам, как зимой ходили они с гиляками на охоту на Сахалин. Когда бы он ни заводил об этом речь, непременно кто-нибудь его перебивал.

– Ну вот, теперь все до конца расскажу, – решил Падека. – Рыбы наловили, делать нечего. Сидим на острове, никуда не спешим, баб там нету, мешать нам некому... На гиляцких лодках мы малое море переплыли, три дня шли тайгой, сопки перевалили, на другое море вышли...

– Там большое море – Нюньги-му, – вытаращил дед выпцветшие глаза на чернолицых парнишек, облепивших его с обеих сторон.

– Дедка, ты нас не гоняй, – робко попросили ребята, – нам послушать охота.

– Ладно, ладно... Про охоту слушайте... Знать будете, что можно, что нельзя. Там речка, никто не знает, – нараспев продолжал старик. – Соболей, сказывали, там много. Каждый охот- ник на свою речку пошел. Гиляк ушел на свою... А ночью ветер начался. Ой-о-ой, какой был ветер! – покачал головой старик. – Страшно было. Снег упал, дороги не стало, все следы зава- лило. На другой день охотники домой вернулись, а гиляка нет... Живой был бы – пришел. Брат его ездил, ту речку нам показывал... Стали мы искать его.

– Вот, не ночуй никогда в тайге, – учил дед ребятишек, – спи у речки, а то заблудишься. Проснешься и не будешь знать, куда идти.

Дед поморщил красный лоб, снял войлок и почесал плешину...

– Брат его нашел. Было дупло в елке. Тот гиляк развел костер, а сам залез в дупло. Он где-то убил выдру, связал с соболями на длинную палку и засунул свою добычу в дупло. Спал – тепло было, а ветер-то подул с моря, и ночью лесина упала – задавила его.

– Эй! На Мылке калугу ловят, а в Онда дед сказки рассказывает, – вдруг раздался из-под берега чей-то насмешливый голос, и тотчас же из-под густых ивняков, подмытых половодьем и склонившихся от этого к воде, вынырнула быстрая берестянка.

На ней, как на стреле, пронесся мимо бивака ондинцев знакомый парень. Это был моло- дой плешивый силач и озорник Касинга из соседней деревни Монголи.

– Бельды боитесь, – посмеялся он над Самарами. – Однако придется вам назад на Горюн кочевать, а на стрелке шесты стружить да на другую сторону их направлять, чтобы Бельды не догадались, где вы спрятались...

– Дурак, чего смеешься?! – заорал Падека. – Вот догоним тебя...

– Балбес!

– Побьем, тогда будешь знать, как подслушивать...

– А чего Касингу ругать? – вдруг вспыхнул Удога. – Конечно, отец, я тебе все время говорю – поедem воевать, – а ты что? Все отвечаешь: пусть, мол, они сами нападут. А мы что, будем все вот так сидеть и ждать?.. А люди будут смеяться над нами, что мы даже калугу ловить не едем... Там как раз калуга хорошо ловится, а мы на протоку за сазанами все ездим. Калуги не едим! А там как раз в гьяссу люди съехались...

Тут поднялся шум и крики. Ла подскочил к сыну. Он был трезвый и умный человек и хотел дать бой врагам под своей деревней, заманить их – это было бы выгодней... Но сейчас кровь бросилась ему в голову. Вмешались старики, и после долгих споров решено было ехать на лов калуги под Мылки, и если удастся, то попробовать помириться с Бельды. Но к войне быть готовыми.

Ла достал из-под крыши копьe.

На траве подле жилищ Самары разложили сетки для лова калуги. Из тальниковых ветвей наломали палочки и накидали их на снасти.

– Сколько палок, столько пошли нам калуг, – просил Ла у Му-Андури.

Облачившись в цветное тряпье и надев пояс с погремушками, он прыгал, виляя крестцом, по кругу и бил в бубен, заколдовывая души калуг, чтобы они попались в сетку, подобно тому как попали туда тальниковые палочки.

Время от времени он садился отдыхать, и тогда кто-нибудь из стариков брал бубен и погремушки и начинал молиться, прохаживаясь по кругу и ударяя ладонью по тугой коже. Из-под крыш фанз и из свайных амбарчиков Самары повытаскивали луки со стрелами, копья и сирнапу – деревянные рогатины с железными клинками. Все оружие разложено было на лужайке, и Ла внушал духам луков и копий победу над родом Бельды.

– Сколько червей в земле, столько убьем мылкинских, – говорили Самары.

Глава четырнадцатая. Ондинцы в походе

Утро...

Тик-ти-ка... Тик-ти-ка... Тик-ти-ка...

Фиюр-р-р...

О-до-до... О-до-до...

Кок-ку... Кок-ку... – на разные лады кричат птицы.

На острове весь лес в белых шляпках; в белом цвету кряжистые синествольные черемухи, яблони, рябина, краснотал...

Ветер шумит листвой великанов ильмов, ясеней, тополей и голубыми пятнами падает на воду.

Под красным глинистым боком острова, у белоснежных песков, ондинские гольды едут в лодках, толкаясь шестами о дно.

На пойме зеленеет высокий вейник. Шесты мягко уходят в илистое дно. В бурю волны, ударяясь об остров, обваливают здесь пласт за пластом. А сегодня тихо-тихо. Вода заманчиво серебрится на солнце, и запаленных парней от ее вида томит жажда.

– Я помню, раньше этот остров был большой, – кивает Ла на пойменный луг, – теперь его наполовину смыло...

– Тут раньше гнезда птичьи были, – пищит Уленда, – жили земляные ласточки, кулики яички клали. Я такую вкусную яичницу всегда тут ел!

– Ты, наверно, всех куликов на этом острове съел, – отвечал Ла. – Сам съел куликов и теперь горюешь!

– Я помню время, когда на большой горе пятьдесят соболей жило. Где у нас кладбище, там мой дед в пеньке двух соболей поймал. Вот как в старое время люди хорошо жили. У-ух! Холода и голода не боялись; пока терпели, то не жаловались, – тараторил дед Падека.

Ла отводит свою лодку от кручи. Полуголые, черные от загара парни, всем телом наваливаясь на шесты, с трудом преодолевают стремительное течение. Перекат грохочет. Слышно, как течение катит по дну камни.

Наконец песчаный мыс обойден. Тут небольшое расстояние, можно бы пройти бечевой на собаках.

Но навстречу из-за тальников плывет под парусом громоздкая лодка. Двое парней и две девки скрипят четырьмя лопатами-веслами. Худой чернобровый старик с подслеповатыми глазами и с ганзой во рту сидит у правила. Усы у него прокурены дожелта, щеки ввалились черными ямами, а скулы торчат острыми углами...

Глиняные кувшины с аракой, мешок проса и связка табаку, прикрытые камышовыми циновками, виднеются за гребцами, между мачтой и кормой.

– Батьго фу-у-у, – приветствует встречных Ла.

– Батьго, – кивает шляпой старик и подает гребцам знак поднять весла.

Парус спускают и сворачивают. Лодки сближаются и останавливаются под ивами, уткнувшись носами в глинистый берег.

Ла хватается руками за нависший над головой ствол и подводит свою корму поближе к лодке старика. Это Дохсо из рода Самаров, с верховьев реки Горюна.

Ла обнимает его за шею и целует в обе щеки. Удога и Пыжу лезут на корму, стоя на коленях, тянутся к старику и тоже целуют его. Дохсо достает табакерку, вертит табачные листья вокруг большого пальца, набивает трубку, раскуривает ее и передает Ла.

– Издалека ли? – заводит беседу Дохсо.

– В Мылки на лов калуги поехали. Маленькую калужку по дороге поймали. Сзади ее ведут... Ну а что новенького в Кондоне?

В стойбище Кондон, где живет Дохсо, ондинцам все приходится родственниками, поэтому Ла с большим вниманием слушает рассказы старика. Шаман Бедзе, по словам Дохсо, видел нынче летом в лесу рогатую лягушку и поэтому надеется разбогатеть. Бочка убил изюбря и взял панты. Он отвез их в гьяссу, но пока не продал: торговцы не дают за них хорошей цены...

– Ой, беда, беда! – вдруг оживился Дохсо. – Ты старуху Талаку помнишь? Чего с ней случилось... Беда, – покачал он головой. – Она в тайге утерялась. Черт ее утащил...

Покуривая табак, старики обменивались подобными новостями. Тем временем из-за мыса приплыли остальные ондинцы. Останавливая лодки, они выбирались на пески и рассаживались на корточках вдоль берега, напротив угды Дохсо. Пришлось ему прервать свой рассказ об украденной чертом старухе Талаке, вылезть на косу и целоваться со всеми Самарами. Они его сородичи, и старик должен быть обходителен с ними.

Ла принес калужий калтык и носовые хрящи.

– А почему, дядюшка Дохсо, рано идешь домой? – спрашивали ондинцы.

– Калуга мало играет, – с заметным неудовольствием ответил Дохсо.

– А в гьяссу был?

– Был, – обкусывая сырой калужий нос, пробормотал Дохсо.

Тут Дохсо хотел было рассердиться, но вдруг, словно что-то вспомнив, расплакался. Он с горечью признался сородичам, что приехал в гьяссу и хотел кое-что выменять. Маньчжуры вовлекли его в игру и выиграли у него чуть ли не всю зимнюю добычу. А старик Сичкен подговаривал его поставить на кон дочерей... Чтобы не остаться совсем голым, Дохсо купил у маньчжуров крупы и поспешил домой.

– Там без головы останешься, – смущенно проговорил старик.

– Ну, берегись, Дохсо: в Кондон вернешься – жена на тебя рассердится, не простит, что проиграл меха, – посмеивался Ла, – за косу тебя таскать станет.

Дохсо вынул из деревянных складных ножен тонкий, остро отточенный нож и, хватая калужатину зубами, ловко и быстро проводил им у самых губ.

– А как там кривой амба? Давно его не видели... Шкурки грызет? – захрипел дел Падека. Все засмеялись.

Падека говорил про Дыгена. Это ондинский торгаш Гао Цзо прозвал ливанского маньчжура крысой, которая грызет шкурки.

– Кривой Дыген куда денется, – тяжело вздохнул Дохсо. – Видал его близко. Он все девок ищет. Много там красивых девок приехало. Я видел одну девку – волосы светлые, как у оронки.

– Ты ее видел? – подскочил Удога. – Светлые волосы? Сама высокая?

– Глупости! Глупости! – перебил сына Ла. – Лучше ты новости Расскажи, – обратился он к Дохсо. – А про глупости не будем поминать, – покосился он на сына.

– Нет, это не глупости! Маньчжуры ту девушку взяли? – с отчаянием спросил Удога.

– Не-ет, – ответил дядя, – она с отцом. А ты что так вскочил как ужаленный?

– Про Талаку, про Талаку Расскажи! – тараторил отец.

– Слушай про Талаку! – строго сказал Дохсо, обращаясь к Удоге.

Все стихли. Один Удога не знал покоя. Ему захотелось отправиться прямо в гьяссу.

– Тетка Талака весной пошла домой на лыжах с озера в деревню Синды и пропала, – рассказывал Дохсо. – Мы ходили по ее следу. Шли-шли, и след пропал... Куда девалась? Кто-то поднял ее на воздух. Дальше дороги нет и следа нет, а по лыжне заметно, что она как будто прыгнула вверх... Кругом в тайге искали, искали – нет следа, утерялась старуха...

– Это летающий человек с хребта заходил к вам, – предположил Хогота.

– Нет, Ва-вух утащил, – утверждал Ла. – Амба Ва-вух как собака с крыльями, он ночью летит и кричит: «Ва-вух! Ва-вух!...» Когда услышишь, надо привязывать себя к дереву, концы веревки спрятать, огонь потушить, варево спрятать...

– Да, у нас еще одна беда была, – вдруг вспомнил дядюшка Дохсо. – Дядьку Пыжу помнишь? Он вот уже теперь, летом, насторожил на козу самострел к сам же на него попал. Ему стрелой ногу перебило – через мякоть насквозь наконечник вышел... Стрела была толстая. Он ходил на охоту один, еле протолкал ее через икру, все же вытащил... Ладно, что насквозь прошла, а то бы еще хуже было... Теперь немножко охромел.

Ла насторожился. Его родного сына зовут тем же именем, что и человека, попавшего на самострел. «Как бы и мой Пыжу не угодил на стрелу. Ведь мы едем в Мылки не только рыбу ловить, предстоит война. Пока не поздно, надо будет найти ему другое имя. Придется вызывать духов и спрашивать у них совета. Пусть сами сыщут сыну счастливое имя...»

– А как там Бельды поживают? – спросил Падека. – Чего-то на реке не видно.

– Все в ограде. Эти мылкинские такие же обманщики, как маньчжуры. В карты играют, перекупают меха, крупой, водкой торгуют...

Дохсо знал о ссоре между Онда и Мылками и догадывался, почему Самары в этих краях рыбачат, но не появляются в гьяссу.

Весной Самары хотели пойти на примирение, но явился Гао Цзо и рассказал, что видел по дороге мылкинцев – они хотят вырезать все население Самаров и запрещают ему торговать в Онда.

– В гьяссу вместе с маньчжурскими разбойниками приплыли из Сан-Сина двое длинноносых чужеземцев, – рассказывал Дохсо. – Они ищут проводников, чтобы ехать к морю, обещают хорошо заплатить, но никто не соглашается брать их с собой. Все говорят, что это плохие люди, поддельные лоча, которых маньчжуры выпустили на нашу реку. Дыген за ними ухаживает, угощает, мясо им дает, калужатину.

– Оба длинноносые, обо всем, что увидят, расспрашивают... – со страхом рассказывал Алчика, старший, уже лысый сын Дохсо. – Молодой ездит с мылкинскими на рыбалку. Они молятся богу, прибитому за руки к кресту. Старший рассказывает разные сказки...

После закуски Дохсо угостил всех Самаров амбань-тамчи, генеральским табаком, который купцы покупали у англичан в Шанхае и развозили по маньчжурским и сопредельным областям. Когда трубки были выкурены, выколочены и спрятаны за пазухи, снова начались объятия и поцелуи; старик стал собираться в путь.

Тем временем маленький черномазый Пыжу, о благополучии которого не переставало страдать отцовское сердце, забрался в ветви нависшей над водой талины и переглядывался с девушками, сидевшими в лодке. Спрятавшись в листву, он проделывал это незаметно для товарищей. Девушки сидели спиной к берегу, так что и их нельзя было ни в чем заподозрить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.